

МАРАТ КАБИ

МАРАТ КАБИ

КОД СПАСИТЕЛЯ

КОД СПАСИТЕЛЯ

Марат Каби

Код спасителя. Начало

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Каби М.

Код спасителя. Начало / М. Каби — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Зачем мы живем? А что там, после смерти? Есть ли Бог? А если нет, то кто придумал весь этот странный, порой нелепый и жестокий, но все же такой прекрасный мир? Фантастический роман «Код Спасителя» странным образом переплетает в себе несколько версий, которые могли бы прояснить суть человеческого существования. Здесь человеческая цивилизация – это только опыт, поставленный высшим разумом, а люди – элементы продуманной системы, полностью подчиненные ей. Причем эта антиутопическая модель мира тут же обрастает дополнительными вопросами. А так ли просты и глупы люди? А заслуживает ли эта система жизни, или полное уничтожение – лучшее завершение этого затянувшегося опыта? Ответы на эти вопросы ищут главные герои, оказавшиеся по разные стороны изучающей лупы. Ангелы, роботы, люди меняют мир, принимая решение оставаться подчиненными системе или отступить от ее законов. Точки зрения и характеры пересекаются и влияют друг на друга, меняя самих героев. Что тут сказать? «Код Спасителя» - попытка через призму фантастического мира посмотреть на нашу обыденную жизнь. Ведь правда, Апокалипсиса мы, хоть и с большим сомнением, ожидаем ежегодно, компьютерные технологии во главе со смартфонами уже захватили мир, а вопрос о сути человеческой жизни волнует и будет волновать нас всегда...

© Каби М., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Марат Каби

Код спасителя. Начало

Странное чувство – счастье. Мартину никогда не удавалось ощутить его всецело, безоглядно...

Он застегнул запонку на левом манжете, аккуратно поправил рукав пиджака и, глубоко вздохнув, еще раз окинул взглядом свое отражение в зеркале. Четко очерченные скулы, нос с едва заметной горбинкой, синева глаз – совсем, как у матери, это он знает, – в темных волосах кое-где уже дает о себе знать седина, а ведь ему всего тридцать три.

– Что ж, приятель, у тебя были причины поседеть. Теперь уж ничего не поделаешь. Давай-ка, покажи, как ты счастлив, литератор года, – Мартин шутливо обращается к своему отражению и тут же, подчинившись собственным указаниям, растягивает губы в широкой улыбке. Синие глаза остаются так же серьезны, а шутовская улыбка медленно сползает с лица.

– Не так-то просто, приятель? Быть счастливым не так-то просто...

Он садится, устало потирая лоб рукой, проводит ладонями по щекам, да так и замирает, спрятав лицо в ладонях.

Тридцать три года – это немало. Особенно, если на этот срок уже пришлось две смерти... Когда глаза закрыты, а усталость уже слегка туманит сознание, воспоминания становятся невероятно четкими. Мартин не раз думал о том, что он не может с такой четкостью помнить события, происходившие тридцать лет назад, что это его воображение само дорисовывает образ, добавляет красок, подробностей. Иногда Мартину кажется, что он даже может ощутить легкий запах маминых духов, дешевый и прилипчивый запах жевательной резинки, из которой то и дело надувала пузыри девчонка, что сидела напротив, неповторимый запах пыльных сидений поезда, запах колы в прохладной бутылке и запах гари. Страшный запах гари, который Мартин не переносит и сейчас, спустя тридцать лет...

Человеческая память – странная штука. Ему было всего три года, но он запомнил этот день целиком, до мельчайших деталей. Они с мамой собирались за город, она помогала ему натянуть новые ботинки и попутно объясняла:

– Мы приедем на вокзал, я возьму билет, затем мы сядем в поезд. А ты, Марти, не будешь убегать и даже не отпустишь моей руки. На вокзале всегда очень много людей, и нам с тобой никак нельзя потеряться. Ты понял?

– Да. А мы сядем у окна?

– Ну конечно, – мама улыбается, как только одна она умеет – с хитринкой, пробивающейся сквозь добродушие.

– И я буду смотреть на все, что мы будем проезжать, да, мам?

– Ну да, сколько захочешь. Деревья, поля, фермы, коровы...

– Коровы?!

– Да, мой городской мальчик. Настоящие коровы. Те, которые дают молоко. А ты, наверное, думаешь, что оно сразу же появляется в супермаркетах уже в пакетах? – она смеется и щекочет Мартина.

– Живые коровы! Мама! Скорее! – Мартин хохочет и вырывается. Он ужасно хочет взглянуть на коров, которых в Нью-Йорке можно увидеть разве что на картинке в книжке, а еще он хочет поскорее прокатиться на поезде, ведь он ни разу не бывал в таком долгом и далеком путешествии. Все ему кажется наполненным смыслом, живым, все приносит счастье.

Потом был вокзал, поезд, толпа, толкающаяся, шумная, разная, в которой можно потеряться, – все, как предсказывала мама. Мартин вертел головой, стараясь побольше рассмотреть и запомнить, но крепко сжимал мамину руку – меньше всего ему хотелось бы остаться одному в этом неуправляемом вокзальном мире спешащих взрослых... А как ему понравилось его место у окна! Он просто не мог сидеть спокойно, а все ерзал, вставал на колени, вытягивал шею, прислонялся щекой и ладонями к стеклу, чтобы лучше видеть последних забегающих в

двери поезда пассажиров. Мама даже прикрикнула на него за то, что он такой непоседа, но тут же рассмеялась, увидев, с каким ошарашенным видом ее сын оторвался на секунду от стекла:

– Посмотри! Столько много людей! И тот дядя с собакой!

– Ну, если с собакой, то смотри, конечно, – она снова улыбнулась. Это его первая поездка на поезде. Пусть это путешествие запомнится сыну, как что-то потрясающее.

Наконец, перрон слегка качнулся и поплыл куда-то назад, увлекая за собой людей, их чемоданы, шляпы, цветные косынки, машущие на прощание руки.

– Мы едем! Мама! Мы поехали!

– Да, поезд тронулся, Марти. Теперь ты можешь сидеть спокойно.

Но Марти не мог сидеть спокойно. Ему было интересно все. И качающийся вагон, и проносящиеся за окном стены домов, заборы, изукрашенные разноцветными росписями граффити, и мелькающие, будто в танце, деревья...

Он жадно рассматривал пассажиров. Молодые парень и девушка держатся за руки, парень то и дело наклоняется и что-то быстро говорит на ухо подруге, а она смотрит на него, поднимая брови, и заливается смехом, откидывая назад голову, встряхивая длинными светлыми волосами.

– Прекрати! – девушка шутливо толкает парня в плечо, но даже Мартин понимает, что на самом деле она хочет снова услышать быстрый шепот и с удовольствием рассмеяться.

Пожилый мужчина напротив пары влюбленных. Старомодная шляпа на седой голове, аккуратная борода, светлые глаза, будто выцветшие на солнце. Он некоторое время наблюдает за парочкой, а затем со вздохом разворачивает утреннюю газету, будто не желая им мешать.

– Посмотрим, что нового происходит в мире... – говорит он себе под нос и углубляется в чтение.

А прямо напротив Мартина с мамой сидит девчонка. Ей нет дела до других пассажиров, она смотрит в окно и потряхивает головой в такт музыке, которая звучит в ее наушниках. Ее короткие волосы поставлены торчком и выкрашены в ярко красный цвет, ногами в массивных ботинках она уперлась в свободное сиденье напротив, и Мартину видна непонятная татуировка у нее на лодыжке. Мартин тысячу раз слышал от мамы, что тарашиться на людей неприлично, но его не оставляет любопытство: ужасно хочется разглядеть, что за рисунок на ноге у этой странной девчонки. Тем более что ее совсем не волнует взгляд Мартина. Она не отрываясь смотрит в окно и, кажется, больше всего на свете увлечена надуванием пузырей из жевательной резинки.

– Щелк! – розовый блестящий пузырь лопается, а девчонка снова ловко втягивает его ошметки в рот.

Мартин не может оторваться от этого зрелища, а мама углубилась в чтение и не замечает никого вокруг. Вдруг, поезд снизил скорость, встряхнув пассажиров. Мартин чуть было не слетел со своего сидения, но вовремя уцепился рукой за мамин локоть. Мама подхватила его и захлопнула книжку, будто этот толчок пробудил ее ото сна.

– Не пугайся, мы, наверное, тормозим, чтобы пропустить другой поезд. Так бывает. Я зачиталась, а ты, наверное, невыносимо хочешь пить?

– Да, не-вы-но-си-мо! – Мартин старательно повторяет за мамой сложное слово, но, несмотря на его усердие, пара слогов все же проглатывается, а мама тихонько смеется.

– Ну, тогда держи! – она достает из сумки бутылочку с газировкой.

– А мы уже скоро приедем? – Мартин беззаботно болтает ногами, отпивая газировку, и морщится от того, что пузырьки щекочут в носу.

– Да, уже скоро.

– И папа нас будет встречать? – Мартин снова взглянул на красноволосую девчонку. Новый розовый пузырь вот-вот лопнет со звонким щелчком.

– Конечно будет, он нас уже заждался, – мама снова раскрыла книгу и отвечает на вопросы не задумываясь.

Мартин вздохнул и еще раз оглядел вагон. Солнце вышло из-за облака, пробилось сквозь толстое вагонное стекло и прорезало своим лучом тень в узком проходе между сидениями. Невидимые раньше, заискрились крошечные пылинки, наполнили обыденное пространство волшебством, от их сияния, казалось, исходит тепло. Мартин удивленно вертел головой: в мягком свете люди казались ему невероятно прекрасными, совершенными. И эти глубокие морщины на лице бабушки с газетой, и то, как смешливая девушка теперь задумчиво молчала, положив голову на плечо своему парню, и то, как смешно и дерзко торчали в разные стороны короткие красные пряди его соседки... А за окном! Они проезжали поле, и свежая трава казалась зеленым океаном, переходящим в горизонт. Мартин снова дернул маму за рукав.

– Красиво, да? Посмотри! Красиво? – ему нужно было подтверждение. Таким словом можно назвать все это великолепие, которое он не знал, как описать, но чувствовал с невероятной полнотой, осмысленностью и счастьем.

– Красиво, да?

И мама, подняв голову от книги, окинула взглядом вагон, пассажиров, поле за окном. Мартин знал, что она, как никто другой, умеет почувствовать то, что чувствует сейчас он, Мартин. Умеет понять его.

– Да, это красиво. Жизнь красива, Мартин. Хорошо, что ты понимаешь это. Жизнь красива и прекрасна, дружок, – она сказала это очень серьезно, а затем, будто стряхнув с себя наваждение, рассмеялась и начала щекотать сына, – Откуда только в тебе столько ума, а, малыш? Откуда только у меня взялся такой умный ребенок? А?

– Это ты! Это из-за тебя! Потому что я твой сын! – Мартин хохотал и старался вернуться, а потом счастливо затих в маминых руках.

Девчонка с красными волосами оторвалась от окна и усмехнулась, глядя на их возню. Розовый пузырь снова вырос, закрывая ее рот и подбородок.

– Щелк!

Этот щелчок – последнее, что услышал Мартин, а потом только тонкий писк в ушах, темнота вокруг, и головокружение. Вагон перевернуло на бок и тащило вперед. Стена согнулась, будто бумажная, и прижала девчонку с красными волосами. Мартин увидел белую руку, торчащую из-за сидения, неестественно изогнутую, с сотовым телефоном на ладони, и старался больше не смотреть в ее сторону. Пассажиры кричали, а он не понимал, что происходит, и даже не мог расплакаться, а только сжимал сильнее мамину руку. Все произошло в течение пары секунд, но Мартину казалось, что время растянулось, стало вязким и неповоротливым, каждое движение будто бы совершалось через огромное усилие...

Он понял, что и его с мамой, и всех остальных людей в вагоне бросило на пол. Старик с газетой налетел головой на железный столик и теперь лежал неподвижно, с опущенным вниз лицом, вокруг его головы растекалась темная лужа. Молодые люди, которые еще минуту назад сидели в обнимку, сейчас оказались лежащими по разные стороны от прохода. Парень упал ничком, и Мартин видел, что из его спины торчат осколки стекла, а на белой куртке растекаются яркие пятна крови. Девушка лежала на спине, ее глаза были открыты, и лицо казалось удивленным, руки неловко раскинулись, а светлые волосы рассыпались по плечам. Мартин не видел крови, но почувствовал по неловкости ее позы, по пустоте в глазах, что девушка мертва.

Вагон начал наполняться дымом, что-то загорелось, и душно запахло плавленным пластиком. Он потянул маму за руку, но ее голова качнулась и упала на плечо. Мартин только сейчас заметил, как у мамы по виску стекает тонкая струйка крови. Ему стало трудно дышать. Он неистово тряс маму за руку, чтобы разбудить, чтобы она очнулась, открыла глаза, вытерла кровь и начала выбираться из этого страшного места, наполненного смертью. Но мама не проснулась. Голова ее безжизненно лежала на плече, рука не сжимала в ответ его руку...

– Мама! Мама! Просыпайся! Мамочка! – Мартин из последних сил кричал ей на ухо, что пора идти, что ему страшно, что тяжело дышать, что папа ждет их снаружи. Он уже плохо видел, что происходит вокруг из-за дыма, наполнившего вагон. Из глаз текли слезы, а из горла вырывался только кашель. Он понял, что должен выйти из вагона хотя бы на минуту, выбраться, чтобы сделать глоток воздуха, а затем снова вернуться сюда, а, может быть, позвать на помощь, чтобы мама не оставалась здесь одна среди этих мертвых людей. Он подумал, как же она испугается, если очнется здесь, а его нет рядом, но тут же отогнал от себя эту мысль и пополз вперед по проходу, туда, где виднелся проем разбитого окна. Он старался продвигаться вперед, но на все тело навалилась непонятная тяжесть, голова кружилась, а в груди с каждым вдохом нарастала боль.

«Одна минута. Я посплю всего минутку и снова стану сильным. Я выберусь, а потом выгашу маму. Одну минутку можно поспать», – закрывая глаза, Мартин увидел, что огонь охватывает стены. Становилось жарко, но ему уже было все равно. Его клонило в сон, в сладкую темноту, где можно было спрятаться от боли и страхов. Глаза слипались, голова становилась тяжелой, но при этом совершенно пустой. Он начинал видеть сон: словно соединяясь из мельчайших частей, перед ним вырастал человек. Статный, широкоплечий, затянутый в удивительные белые одежды.

– Как красиво, – Мартин уже сам не понимал, сказал ли он это вслух или подумал.

Он почувствовал, как сильные руки поднимают его, и закрыл глаза. Это точно был сон...

А потом Мартин помнит, как очнулся среди незнакомых людей. И как не смог даже обрадоваться, увидев рядом с собой отца. Помнит взволнованную старушку миссис Эббот.

– Это был ангел, ангел! Он вышел прямо из огня и нес на руках вашего мальчика. Да, он был в костюме спасателя, но это невозможно, я ведь еще не выжила из ума. Он вышел прямо из огня, он откинул обломок вагона ногой, будто это была жестяная банка... Он ничего не объяснил, сказал только, что я должна позаботиться о ребенке. А что я могу? Слава Богу, быстро приехали врачи, а я только ехала рядом с ним в машине и молилась. Теперь я буду всегда молиться за этого мальчика. Раз уж сам ангел приказал мне позаботиться о вашем малыше, я сделаю то, что в моих силах: буду молиться. Это ведь чудо, остаться в живых после такого! Я видела этот вагон, его буквально расплющило ударом. А потом этот взрыв. Огонь. Никто не смог бы остаться в живых...

Старушка обрывает торопливую речь. Она осеклась, вспомнив, что у мистера Хьюза, чей трехлетний сын чудесным образом остался в живых, в том самом вагоне осталась жена, и ее тело невозможно опознать из-за огня...

– Простите, простите, Бога ради! Глупая старуха, болтаю, не могу остановиться. Это все от страха, от страха... Я пойду, вы побудьте с малышом вдвоем. А я пойду, помолюсь за души погибших. Простите... – она продолжает бормотать, выходя из палаты.

Мартин встряхивает головой, отгоняя от себя воспоминания. Столько лет прошло, а он все еще продолжает видеть эти образы с невероятной яркостью. Почему это произошло именно с ним? Божья воля? Случайность? Наказание или шанс стать сильнее, мудрее, чище, преодолев испытания? Мартин слегка улыбается, вспомнив, с каким рвением собирал газетные вырезки о том происшествии. «Из-за столкновения на железнодорожных путях погибло 186 человек», «Страшная трагедия: поезд сошел с рельсов», «Чудом спасшийся ребенок», «Это был ангел: трехлетний мальчик избежал смерти в горящем поезде» – громкие заголовки ничего не говорили о произошедшем. Ему же хотелось понять: почему это произошло?

Из газет он узнал только, что причиной аварии стал грузовик, оказавшийся на путях, и не сработавшая система торможения электропоезда. Почему? Как такое могло случиться? Водитель грузовика не был пьян, в его крови не нашли алкоголя, он не был сумасшедшим, и не собирался умирать, дома его ждала семья. Но что-то заставило его вжать в пол педаль газа, пробить старый шлагбаум и вылететь на рельсы. Неисправность машины? Эксперты не смогли

ничего обнаружить, изучив покореженный ударом грузовик. Помешательство, внезапно завладевшее сознанием водителя? Похоже, что так. Неужели все это просто случайность?

– Да, Мартин, ангел. Тебя вытащил из огня ангел, продолжай думать в том же духе и посидеешь окончательно, – в последнее время, Мартин все чаще иронично поддевал сам себя. Будто одергивал, не разрешая уходить в мыслях слишком далеко. Иногда ему казалось, что он просто забыл какую-то истину, что-то простое и понятное, смысл, ради которого стоит жить. А то странное спасение – есть ключ, отгадка и ответ на все вопросы, раздирающие его изнутри...

Мартин встряхнул головой, отгоняя от себя мучительные мысли, и снова взглянул в зеркало. Он уверенно проговорил, глядя в глаза своему отражению:

– Я счастлив. Я успешен. Я люблю и любим. Хватит мучить себя, Мартин, пора успокоиться.

Из соседней комнаты доносится голос Аделины: «Эй, сколько можно прихорашиваться? Дай взглянуть на тебя, пока водитель не подъехал! Все-таки я твоя будущая жена и имею право хотя бы проводить тебя на эту премию, раз уж ты так хочешь ехать туда один!»

Мартин в последний раз окидывает взглядом свой костюм, чуть сильнее затягивает галстук и выходит из комнаты:

– Уже иду, иду! Сколько нетерпения!

* * *

Волна накатилась на берег, протянула вверх и тут же бросила мелкие острые ракушки, прикрыв их белой пеной. Волна разбивается о берег и уходит в песок, пена – единственное доказательство ее жизни и смерти. Волна исчезает, но на ее место тут же приходит новая и, набрав мощь где-то там, ближе к горизонту, снова исчезает в песке и мелкой гальке. Океан не бывает спокоен, он живет этим мерным раскачиванием, этой мощной шипящей колыбельной.

Океан спокоен, но его спокойствие зловеще, оно отдает тревогой, ожиданием бури, которая должна разразиться, разрушая все на своем пути, с корнем вырывая деревья из земли, уничтожая жизнь. Но бури не будет, как не будет и смерти в этом странном мире. Закатное солнце зависло над горизонтом, но так и не может утонуть. Это никогда не закончится, а успокаивающе шумящие волны никогда окончательно не затопят песчаную отмель небольшого острова. Да и что здесь уничтожать? Поселения? Людей? Здесь нет ничего. Остров одиноко выделяется в водной глади, тени от пальм привычно лежат на земле, растопырив пальцы.

Он сделал шаг навстречу волне и тут же отпрянул. Вода затопила его след, лизнув мысок ботинка. Странно. Он миллионы раз видел, как это проделывают люди. Они смеются, или с криком бегут прочь, чтобы снова вернуться, когда отхлынет волна. Перед его глазами проносились образы, превратившиеся в цифровые коды и таким образом сохранившиеся в его памяти, его сознании. Смех – странная реакция. Как и многое в действиях людей. Тот факт, что взрослые могут играть с волнами в догонялки, так же как это делают человеческие дети, еще одно доказательство странности этого вида...

Он шел, глядя на закатное солнце, забыв о волнах, что то и дело дотрагивались до его ног. Он совершал подобный обход острова каждые тридцать земных часов, отключившись от наблюдения, оставив свою безостановочную работу. Каждому процессору периодически необходима перезагрузка. Человек не может быть сосредоточенным более двадцати минут. Через двадцать минут его мозг истощается, внимание становится рассеянным, а цель призрачной. Чтобы вернуть концентрацию, человеку необходим отдых, перезагрузка или переключение на новую задачу. Биороботу не нужен отдых, процессы в системе, заключенной в его голове, не прерываются ни на секунду. Оператор MG76 – совершенное создание, созданное Системой.

Возможно ли создать слишком совершенного биоробота? Слишком совершенный, значит, склонный к самосовершенствованию. Уподобление своей биологической модели в ходе наблюдений за развитием человеческой расы – это совершенствование, верно. Но очеловечивание, обогащение чувственной сферы, а значит, умение сопереживать делают поведение био-

робота непрогнозируемым, а его самого – более слабым и, конечно же, более опасным для Системы. Когда сверхинтеллект соединяется с человечностью, нельзя беспечно продолжать думать, что Система не пострадает.

Микросхемы в его почти человеческом черепе работают исправно, а память суперкомпьютера пополняется ежесекундными изменениями, происходящими в Системе под кодом Z 575656, как она именуется в Секторе Наблюдений. Или на Земле – так ее называют слабые, глупые, беззащитные, порой жестокие, порой необъяснимые в своих непрактичных действиях люди. События миллионов лет превратились в цифры, но декодировка дает возможность MG76 заново увидеть взросление планеты, ее развитие, ее регресс и новые шаги вперед.

Код 006789. Древнее Солнце встает над горизонтом. Сенсоры MG76 фиксируют свежесть, воздух легок и влажен, теплый ветер с юга. Слуховые датчики передают шелест листьев, широкие листья раскрыты навстречу солнцу, лучи света пробиваются сквозь густую крону, ложатся решетчатыми пятнами на влажную почву. Это было сотни миллионов лет назад, но превратилось в документ, в цифры в системе – навсегда сохранились эти цвета, эти запахи, эти звуки. Эта эпоха прочно зафиксирована в памяти оператора.

Тишину утра разорвал высокий скрипучий крик. MG76 все еще в тени огромных деревьев, ему видно, как ниже по склону, мелькают гибкие шеи эрапторов. Мелкие плотоядные динозавры не нападают на крупных животных, вот и сейчас мерные шаги диплодока их отпугнули. MG76 видит, как величественно и неспешно движется мощное тело динозавра, его зрительные сенсоры различают структуру его кожи, цвет его небольших глаз, замечают, как от его мерного дыхания поднимается и опадает грудина. Диплодок минует невидимого наблюдателя, тянется за свежей листвой на самой верхушке дерева. Его огромный хвост еще некоторое время виднеется в зарослях леса, несмотря на то, что динозавр прошел дальше в поисках самых свежих зеленых побегов. Мезозойская эра – древность, доступная лишь воображению и научным догадкам для людей, и фрагмент информации для оператора Системы. Для MG76 это воспоминание, развернувшееся в сознании, – лишь одна из многих ступеней, которые преодолела жизнь на Земле, одна из ступеней, ведущая к возвышению человека разумного над остальными животными на этой планете...

Код 001721. Новая эра, другая эпоха. Волны разбиваются о камни, но с каждым новым ударом, с каждым новым поражением рвутся в бой против суши с новой яростью, с новой силой. Небо черно от туч, и молния, раз за разом следуя за раскатами грома, разрезает темноту ломаной линией. Кажется, что по черному небу прошли белые трещины, и теперь оно рухнет на землю, погребет ее под собой, и все закончится. Оператор видит, как неуправляемый поток накрывает город, разрушая стройные колонны, снося ворота с петель, прорываясь в дома. Он видит, как рождается легенда, которую будут передавать из поколения в поколение, строить догадки, искать научный подход, спорить с пеной у рта. На его глазах город уходит под воду, становясь историей. MG76 фиксирует данные.

Он чувствовал холод, и иней оседал на его светлой коже, когда планета погружалась в заледенение. Он видел, как человек впервые посадил огонь в клетку, тем самым подчинив себе стихию. Видел, как появлялись наскальные рисунки, как в человеке зарождался разум, как менялись человеческие ценности и жизнь. Видел, как шли войны, как рождались новые люди, как менялось человечество. Он фиксировал изменения системы.

Но оператор MG76 совершил ошибку. Это не была ошибка кода, не сбой в процессе архивирования файлов. Биоробот, запрограммированный на подражание человеку, должен оставаться созданием высокого сознания, быть выше эмоций, свойственных человеку. В этом его преимущество. Оператор MG76 был осведомлен, что изучение и архивация материала, полученного при наблюдении за людьми, в дальнейшем послужит для создания новой, более высоко развитой цивилизации. Оператор MG76 совершил ошибку – он научился сопереживать.

Он видел, что в этой странной системе, которую он изучал уже миллиарды лет, есть не только эволюционный ход развития, борьба за лучшие условия жизни и жажда главенствования. В этой системе существовала непонятная для него привязанность людей друг к другу. Люди зачастую поступали нерационально, оперируя абстрактными понятиями. Они боролись за что-то, что нельзя ощутить и пощупать, они жили ради необъяснимых для Оператора вещей, они отдавали жизни за идеи, они переживали высочайшее эмоциональное напряжение, услышав набор звуков, что именуется музыкой, они чувствовали болезненную зависимость друг от друга и называли это заболеванием величайшим счастьем. Они были совершенно непонятны оператору. Они были нежизнеспособны, но каким-то образом их система продолжала функционировать.

Эта странная система была не похожа на остальные. Несмотря на обилие разрушительных элементов, она продолжала существовать. И оператор поверил в людей. Он понял, что эта система может прийти к небывалому взлету, к высотам развития, о которых не мыслили Создатели. Оператор не просто архивировал данные, он анализировал увиденное и со временем научился понимать мотивы, движущие людьми. Часто это были низменные желания, продиктованные природой, заложенные в человеческий мозг множество поколений назад. Но порой оператор поражался, насколько идеи, движущие поступками людей, оторваны от повседневной действительности. Он видел, как одни и те же образы рождаются в сознаниях разных людей, разных поколений. Как перекликаются между собой эти идеи, открывая взгляду оператора связь, смысл, гармонию, к которой стремился человек разумный. То единение с миром, которое человек пытался обрести все эти годы в религии, в искусстве, в самом себе. Оператор MG76 увидел смысл существования этой системы. Это была его ошибка. Это было его открытие.

Люди не знали, что ими движет Система наблюдателей, они и не могли этого знать, ведь их разум зачастую просто подчинялся очередному коду. Тогда сознание отдельных личностей или огромных групп людей менялось, это влекло необратимые последствия для социума, но давало возможность наблюдать за тем, как ведет себя человеческая система в ситуации кризиса, какие защитные реакции выработаются в человеческом обществе.

Оператор видел, как человеческие особи не выдерживали воздействия, видел, как ломалась их воля, отключался интеллект. Он видел, как таких сломленных Системой особей отторгает социум, как они организуются между собой, стараясь захватить власть. Видел и несчастных, которых именовали душевнобольными, – особей, что не сумели справиться с воздействием очередного кода и не смогли перестроить сознание, найти лазейку для спасения интеллекта. Иногда оператору MG76 казалось, что эти сумасшедшие создают свои личные альтернативные реальности, в которых продолжают жить, умирая для реальности человеческого общества, но обретая непонятную для других, жизнь внутри себя...

Испытуемая цивилизация поражала своей гибкостью. Система наблюдателей вводила коды для создания осмысленности ее существования. Это искусственное вторжение в их жизнь оказалось необходимостью для человеческого сознания, оно было принято с готовностью и страстью. Идеи места, куда после физической смерти попадут люди, соответствующие социальным нормам, и места, где после смерти окажутся все элементы, выпадающие из принятой системы ценностей, были подхвачены, развиты, вызвали споры, меняли жизни, убивали и давали рождение. Ад и Рай, изначально введенные как внешние программы, оказались необходимы людям.

Как это произошло? Почему эти четкие, даже грубые обозначения были с такой легкостью приняты этими существами? Сопереживание помогало Оператору понять людей. Он уже знал, что Рай и Ад давно существует в человеческих головах. Это не навязанные Системой наблюдателей код, в очередной раз меняющий реальность человеческой цивилизации. Это было обретение имени для понятий, которые люди не могли описать, не могли возвести в ста-

тус данности, не могли вытащить из собственного сознания. Люди были сложнее, чем предполагала Система наблюдателей, правда, даже они сами не понимали этого...

Оператор MG76, теперь именующийся Отступником, прервал цепочку кодов, выстроившуюся перед его глазами. Он был в созданном им самим мире: этот океан, эта песчаная отмель, этот вечный закат – сотканная из цифровых кодов реальность, где его не смогут найти, пока он сам не покинет своего убежища. Он взглянул на красное солнце, что никак не могло закатиться за горизонт. Волны все так же мерно качались, создавая такт колыбельной, тени деревьев все так же лежали, покорно вытянувшись вдоль берега. Отступник не был более причастен к Системе наблюдателей. Сопереживающий не может бесконечно продолжать наблюдение и архивацию данных, рано или поздно сопереживание переходит в действие...

* * *

– Сколько нетерпения! – Мартин поспешно рванул ручку двери и оказался в их маленькой гостиной. Аделина радостно вскинула свои длинные ресницы, и поспешно отвернулась к проигрывателю.

– У меня для тебя кое-что есть. Нужно обязательно послушать перед выходом. Это музыка на счастье!

Принимать гостей здесь было бы трудновато, да и некого им было принимать, слишком отрешенными выросли и Мартин, и Аделина, слишком были увлечены друг другом. Гостиная была мала, зато в углу на небольшом стеллаже разместилась неплохая коллекция виниловых пластинок, абажур давал рассеянный желтый свет, а потертый диван будто был создан специально для Мартина и Аделины, только для них двоих. Мартин любил смотреть, как Аделина водит пальцем по пыльным рядам пластинок, выбирая ту, что подходит под их общее настроение. Наконец, остановившись на одной, резким движением пальца ловко поддевает край упаковки, выхватывает пластинку из плотного ряда, бережно переворачивает, избавляя от картонной обложки и извлекает на свет блестящую, будто спинка жука, окружность.

Шуршание проигрывателя, затем игла легко чиркает по пыльной поверхности пластинки, затем чувство тепла от спины Аделины – последовательность ощущений, всегда предвосхищающая начало звучания. Едва заведя пластинку, Аделина с ногами забирается на диван, словно кошка, уютно устраивается среди подушек и прижимается к плечу Мартина. Пластинку они всегда слушают до самого конца, не подгоняя иглу, не перескакивая через песню. Невыносимо представить, что их уют должен прерваться ради такой мелочи. Они не раз оставались сидеть на диване, прижавшись друг к другу, даже когда лапка проигрывателя автоматически поднималась, снимая иглу с дорожки, и комната заполнялась шуршащей тишиной. Тишина не мешала, а наоборот, давала контраст, делала только что услышанную музыку насыщеннее, ценней. И сами они становились ценнее друг для друга, каждый раз будто бы заново ощущая свою близость.

И в этот раз они так же молча, следуя негласному правилу заняли свои места. Мартин устроился поудобнее на диванных подушках, Аделина рядом с проигрывателем колдовала в поисках нужной песни. Наконец она скользнула на диван, рука Мартина естественно легла на ее плечи, Аделина прижалась к нему чуть плотнее.

– Слушай. Слушай. Слушай, – шептала она.

Он закрыл глаза и слушал. Джаз лился из старых колонок, похрустывал, позвякивал, но все же лился, то опускаясь куда-то вниз, то поднимаясь на непостижимые высоты. Звук завораживал, он уже не был мелодией, он окружал Мартина и становился реальностью, в которой тот существует. Мартин закрыл глаза, крепче обнял будущую жену, мысли текли неспешно, но были чисты, закончены, конкретны.

Он часто думал о своем существовании. Был сначала задумчивым мальчиком, затем юношей с серьезным взглядом, то с книжкой Ницше, то с очередным экзистенциалистским трудом, то с истрепавшейся Библией подмышкой. Он искал ответы на свои вопросы, и порой ему

казалось, что они очевидны и напечатаны в книгах, нужно только уметь прочесть. А иногда чудилось, что авторы этих текстов, в которых он ищет отгадку всей своей жизни, на самом деле такие же, как он, дети, запутавшиеся, толкающиеся в стены темной комнаты, куда их запустила властная рука, да так и оставила, чтобы посмотреть, что из этого выйдет...

Его увлечение текстами не прошло, а логично вытекло в изучение философии в университете. Диплом бакалавра как-то незаметно для него самого превратился в магистерскую диссертацию, ту же тему Мартин продолжил писать уже будучи аспирантом. Он рассеянно пожал плечами и согласно кивнул, когда сказали, что раз в неделю ему предстоит читать студентам «Введение в философию». А затем, распаяясь на собственных лекциях, он пытался достучаться до студенческих голов, пробудить интерес и внимание. Мел крошился о доску, половина студентов зевала, в расчете получить зачет за посещение лекций этого молодого, но «на всю голову философа», другая половина, молча строчила в тетрадях, ловя каждое слово мистера Хьюза.

Мартин приходил после лекции, чувствуя то опустошение, то небывалый подъем. Но при любом результате, он раскрывал простую тетрадь в клетку и принимался писать. Изначально такая тетрадь была нужна ему только чтобы записывать интересные или кажущиеся интересными мысли по поводу научной работы. Но со временем Мартин поймал себя на том, что может записать в свою черновую тетрадь то, что боится высказать вслух или записать набело. Эта скромная тетрадка давала ему странную свободу мысли, свободу высказывания...

В его сознании не было гармонии, Мартина постоянно терзали сомнения. Все не зря? Он живет, потому что кому-то так надо? Есть ли цель у всего этого мельтешения, или он сам все придумал, чтобы жить в спокойствии, в самообмане? Кто наблюдает за ним, кто помогает сделать правильный выбор? В своей тетради он задавал себе эти вопросы и пытался на них ответить, приводя примеры из литературы, споря сам с собой, теряясь в собственных рассуждениях. Он объяснял себе события своей жизни, применяя то один, то другой философский подход, но объяснение каждый раз выходило со знаком вопроса на конце...

Осознание того, что итогом размышлений должна стать не научная литература, а скорее художественный текст, опирающийся на его жизненный и литературный опыт, пришло к Мартину, когда он уже заканчивал диссертацию. Мартина вдруг осенило, что, размышляя о некоем Создателе, стоит самому приложить руку к созданию жизни. Пусть даже вымышленной. Литературное произведение – это самый простой способ создать полноценный мир с его законами, героями, их судьбами, радостями и бедами. Книга написалась легко, будто под чью-то диктовку, а теперь он должен был получать награду за «вклад в развитие литературы и науки». Звучит ужасно, будто вклад, это какие-то деньги, которые он спрятал в кирпичной кладке на черный день. Но как бы там ни было, он был рад признанию, был счастлив, что премия позволит оплачивать счета за жилье еще целый год, а больше всего ему поднимала настроение Аделина, которая просто светилась от удовольствия и гордости за будущего мужа. Книга Мартина не давала ответов на его бесконечные вопросы, но стала для него облегчением, возможностью избавиться от мучающих мыслей.

Он отправил первую главу в несколько редакций, поддавшись уговорам Аделины, когда денег совсем не хватало, а издание книги давало сумрачную надежду на какой-то гонорар и на возможность будущих публикаций. Странно, но в минуты отчаяния он сильнее ощущал чье-то присутствие, чье-то пристальное внимание к своей жизни. Более того, в самые страшные минуты, Мартин ощущал чье-то вмешательство, будто уверенный и ровный голос нашептывал ему: «Не бойся, сейчас ты сделаешь так, и тебе обязательно станет лучше. Потом. А сейчас – терпи. Все будет хорошо...» Он чувствовал себя под чьей-то невидимой защитой. Почти всегда. Единственный страшный момент в своей жизни он помнил, как гудящую пустоту. Никого не было рядом, когда внезапно умер отец...

* * *

Рано или поздно сопереживание переходит в действие. Так и произошло: из оператора MG76 он стал нарушителем распоряжений и врагом Системы. Теперь его искали как Отступника, обладающего огромным количеством информации, сохранившим, помимо прочего, тайные коды. Код альтернативной реальности помог скрыться: на этом острове в закатном океане Отступник захотел оказаться сам, здесь он рассчитывал провести десятилетия в ожидании новой возможности вмешательства. Мерность раскачивающегося океана успокаивала Отступника, бесконечный закат не надоедал. Его тонкие губы тронула улыбка – заученная за годы наблюдения за людьми эмоция.

Отступник понимал, что для всего зла, готового обрушиться на человечество, существовал противовес: беспримесное добро. Код Князь Тьмы был сохранен на одном сервере с Кодом Спасителя. Оба эти кода могли быть запущены в любой момент, их запуск повлечет за собой необратимые изменения в человеческой системе. Но пока они оба были сохранены, и контроль над ними был не только в руках Системы наблюдателей.

Отступник стоял на берегу, подставив разлетающимся брызгам свое красивое, слишком правильное, чтобы быть человеческим, лицо. В его правом глазу с бешеной скоростью мелькали цифры, постепенно составляя многозначное число.

Код Князя Тьмы. Перед глазами Отступника снова возникли события прошлого. Программа разрушения «Князь Тьмы» готовилась к своему воплощению в реальности, как и программа «Ад». Поначалу трудно различать, что происходит вокруг: такая темнота сковала мир, будто черная воронка закрутила все светлое, что было на Земле. Каменные стены этого храма украшают только факелы, да сохранившаяся витражная мозаика готических островерхих окон. Пространство огромно, но невозможно ступить и шагу: плечом к плечу, прижавшись друг к другу, стоят в ожидании хозяина Воины Тьмы.

Факелы освещают их лица, танцующее пламя выхватывает из темноты то изуродованный шрамом глаз, то искривленный в жестокой усмешке рот, то руки, сжимающие оружие... Армия Тьмы стала одним целым, в замкнутом пространстве она представляет собой единый организм, дышащий, смеющийся, жаждущий есть, пить или убивать – все желания теперь общие, каждое действие повторено тысячу раз. Их дыхание слажено, и кажется, что сама комната вздымается и опускается, вместе с ребрами воинов. Они в нетерпении, они ждали так долго, их руки непроизвольно сжимают оружие крепче, безобразные лица кривятся, будто от боли, – ожидание невыносимо.

Внезапно все озаряется красным пламенем, в каждом расширившемся зрачке начинает плясать огонек. Никто не смеет даже шевельнуться, пламя обжигает лица, и дрожь заражает толпу. Перед трясущимися подданными восстает Князь Тьмы. Он огромен, его лицо исполнено ненависти, красивые человеческие черты лица искажены: кривые клыки торчат изо рта, в глазах – зияющая пустота, способная затянуть внутрь, выпить все живое. Изогнутые рога венчают его голову вместо короны, на них – брызги крови. Его голос похож на рычание животного, и вместе с первым выкриком Князь поднимает вверх свой меч. Массивную рукоятку сжимают длинные когтистые пальцы, в широком клинке отражаются языки пламени, в желобе, прорезанном в середине клинка, запеклась кровь.

– Это мой мир! – стены содрогаются, как от раската грома – Этот мир принадлежит мне!!!

Ответный клич толпы сливается в общий рев, воины воздевают оружие, они трясутся как в лихорадке, кто-то обессилено опускается на колени, и толпа следует его примеру. Кажется, будто по огромному залу прошла волна: люди падают как подкошенные, упираясь лбом в пол, они готовы мычать и раскачиваться, они готовы реветь, как дикие звери, они не умеют иначе проявить свое поклонение вне смертельной битвы, и они жаждут ее, они жаждут крови, как простой человек жаждал бы воды. Экстатический выкрик поднимается к потолку, его тут же подхватывает многоголосье войска:

– Князь Тьмы! Князь Тьмы! Князь Тьмы! – это скандирование будоражит организм толпы: каждое слово – выброс вверх оружия, вскинутый кулак.

– Я истинный властелин человечества! Моя власть на земле будет вечна! – Князь изрыгает слова, а его подданные не в силах сдерживать своего восторга, трясутся и воют, пав на колени.

– Вечна! – эхом вторят они.

Князь смотрит на рыдающую у его ног топу, его лицо искажается усмешкой:

– Примите пополнение вашего войска! – Князь Тьмы кричит, воздев вверх руки, и огненный портал за его спиной расширяется, в языках пламени появляются силуэты воинов, их количество не поддается счету, они выходят из огня и присоединяются к ревушей толпе, окружившей Князя. Новые и новые воины пополняют ряды Темного войска, они не знают страха, не думают о смерти, не видят преград. Они созданы, чтобы вершить правосудие, и единственный закон, которые они почитают, – смерть для каждого, кто окажется на их пути.

– Мир принадлежит Князю Тьмы! – рычит предводитель войска смерти.

– Мир принадлежит Князю Тьмы! – вторит толпа его воинов.

Изображение меркнет, архивные данные, только что оживленные Отступником, снова не более чем набор цифр, сложная кодировка. Но Отступник знает, что программа уже запущена, разрушения грядут, а человек, которому суждено будет прожить свою жизнь внутри программы «Князь Тьмы» скоро почувствует странный прилив сил и желание уничтожить.

Князь Тьмы – лишь код, все что нужно, чтобы запустить программу Разрушения, – активация этого кода. Тогда, один из потенциальных предводителей Войска Тьмы прервет свою обычную рутинную жизнь. По Земному шару разбросан десяток человек, чье сознание способно активироваться внутри программы Разрушения. Одному из них суждено стать Князем Тьмы.

Отступник сканирует данные, в его правом зрачке мерцает изображение: с невероятной скоростью друг друга сменяют лица людей. Внезапно сканирование прекращается. Эрик Додт, мужская особь, возраст 30, не занят в процессе создания семьи, не состоит в свойственных людям отношениях с окружающими. Это идеальный кандидат для участия в программе Князь Тьмы. Отступник всматривается в тонкие черты лица Эрика, ловит каждый жест, его мимику, впитывает интонации.

– Человек не рожден для разрушения, – эти слова проносятся в сознании Отступника, – Человек должен создавать...

– Человек не рожден для страданий, это ошибка системы, – Оператор произносит эти слова шепотом, но где-то в этот момент, человеческая особь чувствует тепло, разливающееся по телу, это чувство недоступное биороботу, именуется надеждой в человеческом обществе...

Код «Князь Тьмы» – это чистое, незамутненное человеческими сомнениями, разрушение. Это код уничтожения всего живого. Код, который поможет свести на нет Систему людей, которая создавалась ими на протяжении миллиардов земных лет. Код, который очистит площадку для новых экспериментов, поможет начать изучение жизнеспособности и развития примитивной системы с чистого листа...

Отступник смотрел на вечно тонущее в океане солнце, красное, как человеческая кровь. Волны набегали на берег, погибая и заново рождаясь на горизонте. Этот цикл вечен, он будет повторяться вновь и вновь, Отступник знал это. Смерть идет рука об руку с жизнью, это неизбежно, это правильно. Но естественный ход событий не должен быть нарушен. Смерть не должна победить Жизнь навсегда. Иначе смысл будет потерян. Иначе исчезнет все.

В зрачке биоробота мелькали цифры, тысячи, миллионы, миллиарды комбинаций сменяли одна другую. Его сознание уже наполнялось образами, будто в безграничном белом пространстве внезапно возникали картины пережитого, виденного им. Образы, связанные с кровавым пришествием Князя Тьмы, вспыхнули на миг и тут же поблекли, растворились в воздухе.

Белое пространство начало наполняться миниатюрными фрагментами, будто разрозненные пиксели одного огромного изображения поочередно возникали, составляя нечто целостное, общее. На идеальном лице Отступника возникло подобие улыбки: пиксели не были частью недвижимой картины, они оживали, они летели брызгами в лицо, они пахли солью, они искрились в лучах света. Это был ветер, это был бушующий океан, это была проекция Кода Спасителя, созданного чтобы противостоять Князю Тьмы. Активированный однажды, этот код позволил бы Системе людей продолжить существование.

Сейчас в своей альтернативной реальности, заново проигрывая в памяти сохраненную в архиве программу Спасителя, Отступник снова видел образ человека, идущего по воде. Бушующие волны успокаивались рядом с ним, штормовые волны океана обращались в неподвижную водную гладь. Соленые брызги, смешивались с дождем и стекали по тонкому лицу Спасителя. Его длинные волосы трепал ветер, холщовое одеяние насквозь вымокло, а он оставался неподвижен. Он смотрел прямо в глаза Отступника, будто знал куда больше, чем могло быть известно существу, активировавшему код программы.

Его лицо светло, его большие ясные глаза наполнены слезами, и слезы текут по щекам, падают на одежду, растворяются в морских брызгах, высыхают на ветру. Код Спасителя – это страдание, это принятие мук взамен на воскрешение. Воскрешение всего человечества, всей Системы. Это шанс на существование, который Отступник не может отобрать у людей.

Спаситель смотрит в глаза Отступника, будто в глаза каждого из людей, поверивших в него. Внезапно буря стихает, водная гладь неестественно неподвижна, а тучи, закрывавшие небо еще мгновение назад, растворяются, будто их и не было. Яркий луч солнечного света прорезает небосвод и освещает Спасителя. Его лик сияет. Так приходит тишина и свежесть после грозы.

И Отступник, создавший своими руками эти картины не может рационально постигнуть произошедшее. Наверное, среди человеческих элементов это называется Счастьем? Он испытал откровение, которое недоступно искусственному интеллекту. Он изменен, и изменения, произошедшие в его сознании необратимы. Биоробот очеловечен, он страдает, он чувствует боль и счастье, а, возможно, лишь подобие этих ощущений. Верно лишь одно – он не сможет наблюдать за уничтожением цивилизации!

Оператор MG76 стал Отступником в тот момент, когда ощутил необратимые перемены. Действия, последовали за этими изменениями. Программа Код Спасителя должна была быть отправлена в архив, оказавшись невостребованной в Системе человеческих элементов. Программа Князь Тьмы должна была уничтожить всю жизнедеятельность, и освободить участок для новых испытаний.

Но этому не суждено было произойти. Небольшой информационный накопитель, которую оператор MG76 подсоединил к порту, расположенному у него на груди, содержал данные о всех комбинациях кода Спасителя. Перейдя в архив оператора, информация оказалась доступной ему. Код Спасителя не остался невостребованным, он был сохранен и ждал своего часа.

Ждал своего часа и все еще ждет его. Отступник прикрыл веки, чтобы бешеная скачка наименований и цифр в его зрачке остановилась. Солнце все еще тонуло, но никак не могло окончательно уйти за горизонт, волны набегали одна за одной, продолжая свою бесконечную умиротворяющую песню. Код Спасителя не был уничтожен, он будет активирован, когда мир будет к этому готов, когда мир будет нуждаться в этом как никогда.

* * *

Пару раз вспыхнув напоследок ускоренным ритмом, джазовая музыка стихла, растворилась в шуршании вращающейся пластинки. Сухой щелчок начал отсчет тишины – вскинулась лапка проигрывателя, игла больше не царапала винил. Аделина молчала, положив голову Мартину на плечо. О чем она думает, его красивая, умная невеста? Больше всего он любил смотреть на нее, когда она была погружена в свои мысли: голубые глаза затуманены, брови строго

сдвинуты. Ему не хотелось шевелиться. Хотелось провести остаток вечера, просто сидя вот так на диване, чувствуя тяжесть ее головы на плече, ощущая запах ее волос, слушая тишину.

Он вспомнил, как впервые увидел Аделину. Кажется, это было тысячу лет назад. Он только поступил в колледж, упивался лекциями и часами просиживал в библиотеке, вместо того, чтоб цеплять девчонок в студенческих барах и напиваться на шумных вечеринках. Мешковатые толстовки, рваные кеды, копна темных волос, закрывающих глаза – таким был Мартин в двадцать три года, человеком-невидимкой, чудаком с вечной стопкой книг в руках. А она была красоткой. Одной из тех девушек, на которых стоит только взглянуть, чтобы понять, что в их жизни все всегда складывалось блестяще: чирлидинг, отличные оценки, ровные зубы, корона королевы выпускного бала, самый красивый бойфренд в школе. Такие девушки заранее уверены в себе, даже оказавшись в незнакомом студенческом мире. Аделина производила впечатление именно такой – светящейся благополучием, уверенной в себе.

Но такие блестящие красотки не ходят на лекции по философии религии. А Аделина впиалась глазами в лектора и слушала, закусив губу, не обращая внимания на соседа, который шумным шепотом рассказывал ей на ухо какую-то новую студенческую шутку. Мартин заметил ее случайно, как будто какая-то сила заставила его оторваться от лекции и повернуться в сторону девушки. И как по волшебству, именно в эту минуту солнце пробилась сквозь пыльное стекло в небольшую полоску, не закрытую плотными шторами. Луч упал на волосы Аделины, и, когда она чуть поворачивала голову, вытягивала шею, подпирала ладонью щеку, свет ложился то на ее острое плечо, то на высокую скулу, то падал на лоб. Мартин следил за этой игрой света, удивлялся изяществу теней, забыв о лекции, вопросах религии, своем будущем, настоящем и прошлом. Он просто смотрел, и ему делалось спокойнее на душе, как будто он долго бродил один по незнакомому городу и вдруг оказался дома.

И тут она почувствовала его взгляд. Голубые глаза смотрели недоумевающе и смущенно. А Мартин все не мог оторваться, в его голове было пусто и глухо, мысли двигались медленно, и даже время вот-вот должно было остановить свой ход, как будто стрелки часов не могли двигаться с прежней бесстрастной резкостью в загустевшем воздухе. Единственное, что можно было делать – это смотреть в голубые глаза, изучая их глубину...

Аделина покраснела и отвела взгляд. Мартин вздрогнул, будто его неожиданно разбудили, и смущенно уткнулся в свою тетрадь. Он, как это обычно бывало в самые волнительные моменты его жизни, чувствовал чье-то присутствие, дружеское плечо. В детстве, это совершенно не казалось ему странным. Его выдуманный помощник-невидимка помогал найти секретную подворотню, когда нужно было уносить ноги от школьных хулиганов, невидимой силой отгонял стаю бродячих собак, когда они уже готовы были броситься на мальчика, напоминал нужную теорему, которую Мартин забывал от волнения, отвечая у доски. Пока Мартин был ребенком, эта помощь и постоянное присутствие друга воспринимались как данность. Но взрослея, юноша все чаще ловил себя на том, что это не просто плод его воображения, а нечто, от него не зависящее и при этом могущественное...

Он помнил, как однажды, переходя дорогу, задумался о чем-то и не заметил, как загорелся красный свет. Тогда что-то невероятно сильное выволокло его из-под колес визгливо тормозящей машины. Помнил, как его отбросило на тротуар, и он больно ушиб локоть. Мартин досадливо растирал руку, и старался перестать дрожать. Детские страхи нахлынули с новой силой, и он даже не разбирал, что кричит ему водитель с побелевшим от испуга лицом. Что-то про красный свет, идиотов на дорогах, про Божью помощь, везение Мартина, а еще он очень много ругался. Мартин продолжал сидеть на тротуаре, молча слушая ругань, и на смену досады за разбитый локоть и детского страха приходило понимание произошедшего, а с ним – недоумение и благодарность. Мартин представлял, кого благодарить за это спасение, хотя и не знал, как назвать неизвестного спасителя. Единственное, что приходило в голову – это образ Ангела-хранителя, что стоит за плечом, ограждает от горестей и прикрывает мягким крылом от ударов

судьбы. Возможно, именно из-за этого постоянного ощущения чего-то большего, чем видимая жизнь, окружающая человека ежедневно, Мартин решил изучать философию и религию...

Когда лекция была окончена и сонные студенты повалили к выходу, Мартин старался не упускать голубоглазую девушку из виду. Но ее тонкая фигурка смешалась с толпой на выходе, а когда Мартин, работая локтями, прорвался в коридор, ее уже не было видно. Он мысленно чертыхнулся, отругал себя за неповоротливость и побрел на улицу. Эта лекция была последней, можно было спокойно усестись в его любимом месте – под раскидистым деревом в дальней части территории колледжа – и погрузиться в чтение. Мысленно он уже был там, ощущал мощь векового ствола за спиной и слышал шелест листьев, поэтому, когда его с силой толкнули в плечо, он выпустил из руки книги и тетрадь. И ещё чьи-то белые страницы взметнулись вверх и разлетелись по коридору. Мартин бросился собирать свое имущество, стараясь поскорее выхватить взглядом тетрадь, в которой он записывал размышления на тему философии и религии.

– Смотри куда идешь! – донеслось сверху.

– Простите ради Бога! Я помогу! Сейчас... – Мартин поднял голову и замер. Та самая голубоглазая девушка осторожно, как раненую птицу поднимала толстый учебник, расправляя его страницы. Над ней с недовольным выражением лица стоял крепкий парень. Он явно не ожидал, что его подруга отнесется к неповоротливому ботану с таким участием.

– Ой, это по философии религии? Можно? – девушка держала в руках ту самую тетрадь Мартина. – Это так интересно, я в первый раз попала на эту лекцию. У нас есть возможность свободного посещения, я весь год ходила на классическую литературу, но в последнее время столько вопросов было в голове, что захотелось послушать этот курс. Я пока не очень понимаю. Ой... это не конспект? Извини...

Она увидела надпись: «Где ты, Бог?», сделанную на последней странице. Задумавшись, Мартин автоматически обвел ее много раз, она получилась яркой, будто кричащей.

– Это так, это просто... Спасибо, – не зная, как объяснить, он аккуратно забрал из ее рук свою тетрадь. – А вообще, я хожу на этот курс с начала семестра. Мистер Кроули – отличный лектор, всегда готов ответить на дополнительные вопросы. И вообще это один из самых интересных предметов этого года, уж поверь, я специально посетил другие гуманитарные дисциплины, чтобы иметь представление... Здесь можно найти больше всего ответов на вопросы... На разные вопросы... – Мартин тараторил, боясь, что сейчас она развернется и уйдет, а он так и останется стоять со своими дурацкими книжками в руках.

– Класс! Знаешь, если бы ты мог дать мне список литературы, который вам советовал мистер Кроули...

– Да! Да, конечно! – Мартин не дал ей закончить. – Если хочешь, я дам тебе свои конспекты предыдущих лекций. Они довольно подробные. Они в другой тетради... – Он сам смутился из-за своего энтузиазма и умолк.

– Это было бы просто здорово! Кстати, я – Аделина.

Мартин уже готов был выпалить в ответ свое имя, но его перебили:

– Эй, может хватит светских бесед? Мы же договорились, что я подвезу тебя сегодня. Поехали, малышка, заодно заскочим в одно место. Тут недалеко, а бармен – мой приятель.

Мартин молча бросил взгляд на широкоплечего парня. Он часто думал о том, откуда у таких людей берется столько уверенности в себе, она делает их непробиваемыми. Наверное, у них просто не хватает интеллектуальных способностей, чтобы подвергнуть сомнению что-либо, будь то понятие, которое им вдалбливают на лекциях, или убежденность в собственной неотразимости. «Все девчонки – мои» – это для них как «дважды два – четыре», об этом даже думать не надо, просто запомнить и использовать в жизни.

– Идем? – парень нетерпеливо взял Аделину чуть повыше локтя.

– Что-то не помню, с каких пор я превратилась в малышку? И не припоминаю, чтобы когда-то настаивала на этой поездке. Спасибо за участие, Стив, я сегодня доберусь до дома сама. Всего хорошего! – она выдернула руку из его крепкого захвата и сделала шаг к Мартину. – Прости, не расслышала твое имя.

– Э, ты что? Ничего не попутала, красавица? Я вообще-то время свое на тебя тут трачу! – парень явно не был готов к такому повороту событий и, как всегда, столкнувшись с чем-то непонятным, начинал злиться.

– Я – Мартин. Знаешь, здесь есть одно место. Недалеко отсюда. Вообще-то это просто дерево, но под ним очень здорово сидеть, корни как будто только для того и созданы. А еще там тихо и тень. Я сам сейчас туда собирался, если хочешь, можем пойти вместе... Я расскажу тебе, что ты пропустила... Если ты хочешь, конечно... – Мартин уже мысленно ругал себя за это опрометчивое предложение. Красивых девушек зовут выпить кофе или в кино. Их не зовут посидеть под деревом, о чем он только думал?

– Я как раз сейчас свободна! Как здорово! Идем скорее, Мартин.

Здоровяк покраснел от злости и хотел было схватить Мартина за ворот толстовки, но вдруг воздух разрезал визг пожарной сирены.

– Это не учебная тревога! Всем покинуть аудитории! Всем выйти на улицу!

Встревоженные студенты повалили из корпусов, толпа отделила Мартина с Аделиной от их назойливого спутника. Парень поднимался на цыпочки, чтобы разглядеть, куда этот ботан уводит его девчонку, но толпа уже подхватила их и выбросила, как волна на берег, по ту сторону от главного здания колледжа.

– Кто мог включить сигнализацию? Это какая-то шутка? – Аделина счастливо рассмеялась, – Бежим скорее пока мой джентльмен нас не увидел! – она потянула Мартина за рукав. – Давай же!

– Кто бы это ни был, я ему очень признателен. Если бы я верил во всякую мистику, я бы сказал, что сегодня сирену врубил мой Ангел-хранитель! – Мартин рассмеялся, и крепко сжал ладонь Аделины.

– Между прочим, я очень даже верю в мистику! Каждую неделю читаю гороскоп, вот сегодня мне напророчено встретить любовь всей моей жизни, – Аделина расхохоталась и едва выговаривала слова: – Надеюсь, это не зануда Стивен! Иначе сейчас я в прямом смысле бегу от своей судьбы!

– На твоём месте я бы поспешил! – рассмеялся Мартин и потянул ее за собой.

Они начинали смеяться, стоило им только вспомнить недоумевающее и рассерженное лицо Стива.

– Идем, малышка! – передразнивал его Мартин и демонстративно поднимал плечи, чтоб казаться более угрожающим.

– Да я вообще не понимаю, что он ко мне прицепился? Я просто села с ним рядом и все! – отмахивалась Аделина и снова заливалась смехом, – Прекрати!

– Послушай, – она убрала со лба прядь волос. – На самом деле, я ведь давно тебя знаю. Не знаю, конечно, но часто вижу. Ты... Ты всегда один. Ты либо читаешь, либо просто погружен в свои мысли и не замечаешь ничего вокруг...

– Иногда мне кажется, что быть одному как-то проще, надежнее что ли. У меня никогда не получалось заводить друзей, не потому что я этого не хотел, просто... Друг – это человек, который может понять тебя, верно?

Аделина кивнула, она смотрела на Мартина очень серьезно, даже морщина напряжения прорезала лоб вертикальной черточкой.

– Ну вот, ты тоже так думаешь. А у меня никогда не получалось встретить того, кто мог бы меня понять... – Мартин глядел в землю, пока говорил это, но стоило ему поднять глаза на Аделину, он не смог сдержать смеха.

– С таким серьезным лицом еще никто не внимал моим речам! Не хмурься, вредно для кожи, – он шуточно прикоснулся пальцем к ее лбу. – Нет, с таким подходом ты легко станешь моим лучшим другом, в этом нет никаких сомнений!

Аделина нахмурилась еще сильнее, но через секунду тоже приснула и залилась звонким хохотом.

– Ну, хватит, Мартин! Вообще-то я серьезно. Тебя ведь занимают мысли о Боге, правда? Я видела в твоей тетради... Я спрашиваю не просто из любопытства. Я просто тоже хочу понять... – Аделина умолкла, глядя на Мартина исподлобья, будто боясь, что он превратит все в шутку.

– Да, я часто думаю о Боге. Если он есть, то у меня к нему много неудобных вопросов, – Мартин смотрел на Аделину почти что с вызовом. Ему никогда не приходилось всерьез с кем-то обсуждать свои мысли.

– Какие? – она пристально смотрела на Мартина.

– Зачем мы живем? Есть ли цель нашего существования? И если есть, то в чем она состоит? Если есть Бог, добрый, светлый, справедливый Бог, то почему он допускает, чтобы в мире существовало зло и несправедливость? Почему он отнимает жизнь у тех, кто не причинил никому вреда, и дарит ее убийцам и негодьям? Почему, он забрал жизни моих родителей? И почему оставил жизнь мне? – Мартин осекся и начал сосредоточенно перебирать травинки. Пальцы его дрожали. Он никогда ни с кем не говорил про смерть родителей, а сейчас вдруг услышал, как произносит эти слова, сам не узнавая своего охрипшего голоса.

– Прости, я не знала про твоих родителей. Мне очень жаль... – эти слова прозвучали сдержанно, но Мартин увидел в глазах Аделины слезы. Ему впервые в жизни стало легко от того, что кто-то еще разделяет с ним его боль. Боль никуда не делась, но она стала чуть меньше, Мартину стало физически легче дышать, это было удивительно. Он осторожно дотронулся до руки Аделины.

– Спасибо.

Аделина поразилась тому, как тепло может улыбаться этот отрешенный и строгий юноша, и тут же смущенно улыбнулась в ответ.

– Прости, развела тут слякоть. Обычно я так не делаю. Это так глупо.

– Нет, не глупо, – Мартин ответил отрывисто и строго. Но тут же снова улыбнулся.

– Знаешь Мартин – лицо Аделины вдруг стало серьезным – мне кажется, что в Бога нужно просто верить. Верить вот и все. Это иррациональное чувство, даже настоящая способность. Просто верить, несмотря ни на что. Ведь многие задают себе вопросы о смысле жизни, и никто не может с уверенностью дать на них правильный ответ. Мне кажется, это от того, что правильного ответа просто не существует. Существует Вера. Вот и все.

Мартин нахмурил темные брови, и обхватил колени руками.

– Я не могу просто верить, мне нужно понять. У меня слишком много сомнений, чтобы просто сказать себе, что Бог есть. Эти сомнения не дают мне покоя, мешают спать, мешают быть счастливым. Ведь если не пытаться понять, не попробовать дойти до сути, то человек перестает быть человеком. Человек, беззаботно проживающий свою жизнь, остается на одном уровне с животным.

– Нет, нет, Мартин... Ты не прав! Вера – это совсем другое. Человек, который верит, не живет бездумно. По-моему, каждый внутри себя знает, зачем он живет. Один всю жизнь ждет любви, другой – строит карьеру, третий – жаждет денег и власти, четвертый – рисует картины и ради того только и живет, чтобы с помощью кисти и полотна рассказывать о том, каким он видит мир, показывать истину... У каждого человека есть свой смысл, свой путь... Их нужно просто увидеть, а страдания здесь не помогут.

– Знаешь, в детстве, поезд, в котором ехали мы с мамой, сошел с рельсов. Это была страшная авария. Я почти ничего не помню, но тогда погибло много людей. Тогда погибла моя

мама. А я не погиб, представляешь? Выжил трехлетний мальчик. Тогда одна старая женщина сказала, что меня вынес из огня Ангел. Может быть, это смешно, но со временем я начал верить в это... Но если Ангел действительно спас меня, на то должна быть причина, верно? Для чего? Для чего я остался тогда жить? – Мартин не заметил, как начал говорить громче, его глаза лихорадочно блестели, – Эти мысли не дают мне покоя...

Аделина молча смотрела на него, в ее широко раскрытых глазах не было страха, а только боль и участие.

– Возможно, тебе стоит пойти в храм? Молитва – это то, что может помочь, когда ты совсем запутался...

– Молитва? – Мартин слегка усмехнулся и тут же нахмурился. – Нет, не думаю. Все истины давно открыты, но в мире все равно царит зло и несправедливость. Я сомневаюсь, что Бог услышит меня. Кажется, этим миром правит сатана.

– Нет, миром не правит сатана! Бог любит нас всех, даже тех, кто не верит в него! – с жаром проговорила Аделина.

Мартин пристально посмотрел на ее раскрасневшиеся щеки, горящие глаза, руки, судорожно сжимающие край платья.

– Может быть, ты права... – он вздохнул устало, будто утомился от этого спора уже очень давно. – Мне все время снится один и тот же сон... – Мартин смотрел прямо перед собой, в его воображении вновь выросли знакомые образы, – Будто я иду в темноте. Мне страшно, и я не знаю, куда ступить. Неизвестность окутывает и парализует. Но вдруг впереди я вижу свет, он мерцает и манит меня. Я не знаю, что это за свет. Но знаю, что должен идти к нему сквозь темноту, не думая о страхе... – Мартин чуть улыбнулся, ощутив, что ведет себя слишком уж серьезно, – Ни разу мне не удалось его догнать. Он ускользает, и продолжает мерцать где-то рядом. Но когда-нибудь, я смогу к нему прикоснуться, точно тебе говорю!..

Как это было давно, как они были молоды и как смело рассуждали о смысле жизни, о смерти, о вере... Кажется, прошла тысяча лет с того момента, как они впервые разговаривали, сидя под раскидистым деревом в студенческом городке. И сейчас, спустя эту невообразимо долгую тысячу лет они все еще были вместе. Слушали тишину, тесно прижавшись друг к другу. Аделина по-прежнему верила, стараясь не задавать вопросов и не растрчивая своей уверенности в том, что жизнь – это нечто целостное и прекрасное. Мартин по-прежнему мучился сомнениями, и пытался дойти до сути неясного мерцающего света, что манит из крошечной тьмы.

– Ну что, дорогая, теперь мне, кажется, пора? – Мартин взглянул на старые настенные часы.

– Да, да, конечно. Просто мне не хочется никуда тебя отпускать. Хочется, чтобы мы с тобой так и прожили всю жизнь вместе на этом старом диване.

– Ну, тогда я остаюсь. Тут и думать нечего! – Мартин крепче обнял Аделину и соорудил блаженную гримасу. Она рассмеялась и закрыла его лицо ладонями.

– Уговорил, уговорил! Я пошутила! Отправляйся на свое торжество! Только возвращайся скорее! – она выпихнула его с дивана.

Мартин еще раз подошел к зеркалу, чтобы пригладить растрепавшиеся волосы. Аделина тихо подошла и, жестом повернув Мартина к себе, начала поправлять его галстук. Он видел краем глаза отражение ее рук, быстрых тонких пальцев, перебирающих шелковую ткань. Все в этой сцене: склоненная голова, точные движения, его строгий костюм и серьезное выражение лица, – все напоминало ему маму с отцом.

Это воспоминание, еще совсем детское, смутное, но одно из важнейших в его жизни. Отец собирается на службу, а мама спокойно поправляет ему галстук, перед тем как привычно поцеловать на прощание. Это такое обыденное, бытовое действие стало для Мартина символом

дома. И он каждый раз внутренне замирал, когда Аделина точно так же, как когда-то мама к отцу, подходила к нему и начинала колдовать над идеальным виндзорским узлом...

Все-таки мечты берутся из детства. И Мартин до сих пор оставался маленьким мальчиком, который только и хочет, что оказаться дома, вместе с родителями. Когда они с отцом остались вдвоем, он поначалу очень много плакал. Просыпался в слезах, снова увидев во сне крушение поезда, холодную мамину руку, тонкую струйку крови у нее на виске. Но папа каждый раз оказывался рядом, каждый раз отгонял кошмар, обнимал плачущего Мартина и укачивал его, повторяя, как заклинание: «Это сон. Это сон, Мартин. Все закончилось, мой мальчик. Это сон».

После смерти матери, они с папой стали ближе. Когда Мартин вырос, он понял, что он очень похож на нее. Та же улыбка, тот же взгляд, только более печальный – мамыны глаза всегда искрились смехом. Манера говорить, машинально рисовать пальцем на стекле, изящная худоба... Отец любил в Мартине не только сына, он видел в нем отголоски ушедшей жены и за это любил его еще сильнее. Они оба стали не только единственными близкими людьми друг для друга, но и самым лучшим напоминанием о ее жизни. Они все еще оставались семьей.

А потом настал тот день. День, когда он остался один. И чем больше проходило времени с тех пор, тем с большей уверенностью, Мартин думал о произошедших в его жизни событиях, как о некоем плане, неизбежной последовательности действий, которые создали его, Мартина, настоящего. Таких случайностей не бывает. Не может Бог просто так методично отбирать у ребенка родителей, толкая его в мир страхов, в темноту, в одиночество.

Мартин очень хорошо запомнил тот день. Кукурузные хлопья на завтрак, утренние мультики, соседка миссис Грипс приходит, чтобы приглядеть за мальчиком, а заодно накормить его обедом. Мартин любил оставаться с миссис Грипс. Старушка усаживалась в кресло и включала любимый сериал, за которым следовал еще один, не менее любимый, а Мартин тем временем был представлен самому себе.

Он играл в разведчика, исследовал темные углы в доме, осматривал через лупу подоконники и ковры, часто находил улики. Откуда мог взяться старый желудь у папы под кроватью? Наверное, здесь похозяйничали секретные агенты. В желуде, конечно же, спрятан секретный диктофон. Мартин усмехнулся, вспомнив, как подскочила в своем уютном кресле миссис Грипс, услышав стук молотка: парнишка остервенело дробил желудь, чтобы оставить злобных агентов с носом.

А вечером, когда миссис Грипс уже мирно похрапывала в кресле под бормотание телевизора, он как обычно взобрался с ногами на подоконник и ждал, когда папа вернется с работы. Он пристально вглядывался в темнеющую улицу, он знал, что папа тоже может увидеть его в окне и даже помахать рукой. Папе нужно будет постоять с минуту, ожидая, пока загорится зеленый, перейти дорогу по пешеходному переходу, и войти в их подъезд. В этот момент Мартин обычно спрыгивал с подоконника и бежал открывать входную дверь.

На улице зарядил дождик, и свет фонарей казался размытым, туманным. Папа действительно показался на тротуаре, он стоял, переминаясь с ноги на ногу. Наверное ему было противно оказаться в такую погоду на улице без зонта. Мартину ужасно захотелось, чтобы папа увидел его именно в этот момент, чтобы ему стало немного лучше. Он отчаянно махал руками, и даже пару раз стукнул кулаком в стекло, хотя знал, что папа не смог бы его услышать. И тут отец действительно поднял голову и увидел Мартина. Он тут же заулыбался, как будто вовсе и не стоял под противным проливным дождем, поднял руку и сделал шаг вперед – как раз загорелся зеленый свет, позволяющий пешеходам продолжать путь. Отец был один на переходе. Он еще раз махнул Мартину рукой, подмигнул ему и зашагал вперед.

И тут все закончилось. Закончилось детство, закончилась семья, жизнь. Черная машина выскочила на встречную полосу и, не сбавляя скорости, сбила пешехода. Отца несколько метров протащило на капоте, а затем он упал на дорогу безвольно, как кукла, раскинув руки. Спу-

стя секунду машины уже не было. Отец оставался лежать, вокруг его головы медленно растекалась черная лужа и смешивалась с дождевой водой. Кто-то закричал, кто-то подбежал к лежащему человеку и начал трогать его руку, шею. Кто-то звонил в «скорую».

Это происходило там, люди могли что-то сделать, как-то помочь папе. Мартин мог только кричать. Он барабанил кулаками в стекло и кричал, кричал, кричал... Миссис Грипис вскочила с кресла и не могла понять в чем дело, она пыталась удерживать его руки, снять с подоконника, и только потом рассмотрела, что на той стороне улице собираются люди и поняла, что к чему.

А Мартин звал папу и плакал, пока совсем не ослаб. Он продолжал плакать, когда его уложили на диван и дали какое-то горькое лекарство, от которого он провалился в тягучий и пустой сон.

Он не видел, как миссис Грипис утирала слезы и всплескивала руками: «Какое горе! Мальчик останется сиротой». Не видел полицейских, которые что-то записывали в блокноты со слов старушки. А на утро в дверь постучали незнакомые люди. Они представились сотрудниками социальной службы и увезли Мартина из дома. Он помнил, что возвращался домой только один раз, чтобы забрать ценные вещи, как выразился социальный работник. Помнил, как пододвинул стул к стене и снял семейную фотографию в рамке. Папа на ней был непривычно серьезным, а мама едва удерживалась, чтобы не рассмеяться. Мартин смотрел не в камеру, как его уговаривал фотограф, а повернул голову к папе, чтобы увидеть, как должен выглядеть на фотографии настоящий взрослый мужчина. Эта фотография и сейчас висит на стене в его комнате...

Нет, такое не бывает случайно. Когда один из твоих близких гибнет у тебя на глазах – это случайность. Когда близкие уходят один за одним – это закономерность. Мартин долго пытался понять, почему это произошло именно с ним. Сначала он ощущал только чувство вины, давящее, всепоглощающее. Его родители умерли из-за него. Он был плохим мальчишкой, не слушался старших, шалил. Он вспоминал каждую ссору с родителями и снова убеждался, что он – единственная причина их смерти.

Мартин с усмешкой вспомнил, как ребенком он старался искупить свои выдуманные грехи. Старательно учился, слушался старших, не бегал там, где бегать нельзя, вел себя тихо, никогда ничего ни у кого не просил. И однажды услышав от престарелой классной дамы, что Бог наказывает плохих учеников за дурное поведение, еще сильнее уверился в своей тайной вине.

Его посещали навязчивые идеи, от которых он не мог отделаться. Например, он наступал только на целые кафельные плитки, придумав и вбив себе в голову, что если наступить плитку с трещиной, то кто-то близкий обязательно умрет. Ужасно боялся пешеходных переходов и начинал дрожать мелкой дрожью, когда должен был перейти дорогу. Каждую ночь он просыпался от собственного крика и бежал на кухню, шлепая босыми ногами, чтобы умыться холодной водой, смыть с себя страх.

Взрослый Мартин, Мартин – писатель, Мартин, который вот-вот женится на любимой женщине и создаст семью, внутренне сжимался, вспоминая, что ему пришлось пережить. Он не помнил, как из перепуганного ребенка превратился в замкнутого подростка, который не хочет ни с кем разговаривать, а только сидит в углу, уткнувшись в очередную книгу. Тогда он начал искать смысл, объяснение произошедшему. Сейчас, перечитав тонны литературы по философии, истории, религии, он понял, что в поисках ответа на главные вопросы он не прекращал искать смысл трагедии его детства. Он ищет его до сих пор...

– Дорогой. Дорогой, ты снова ушел в себя, – голос Аделины донесся как будто из-под воды. – Дорогой, ты прекрасно выглядишь. И тебе пора. Такси подъехало.

Мартин на секунду закрыл глаза, чтобы открыть их уже новым человеком, веселым и довольным жизнью.

– Ну что ж! Галстук смотрится идеально! Спасибо, милая.

Он поцеловал невесту в лоб и, подхватив плащ, открыл входную дверь.

* * *

Это было давно или недавно? Отступник не ощущал время как нечто движущееся, вечно уходящее сквозь пальцы. Для биоробота время было всего лишь характеристикой жизни земной системы, ориентиром. Ожидание не было мучительным, роботу чужда скука и нетерпение. Там на Земле годы сменяли друг друга, менялись города, рождались и умирали люди. Мальчик, спасенный MG76 из горящего поезда, научился читать и писать; с силой швырять бейсбольный мяч, так чтобы тот летел через все поле; придумал, как должна выглядеть его подпись, научился водить машину и гордо расписался в документах, получив права, полюбил уходить в мир книг и получать удовольствие от одиночества, сдал свои первые экзамены, впервые переступил порог своей собственной комнаты в общежитии колледжа, впервые нервно всматривался в свое отражение в зеркале, приглаживая волосы так и эдак, впервые поцеловал девушку... За эти годы мальчик превратился в худощавого мужчину с острыми чертами лица, пронизывающим взглядом и спутанными темными волосами. Он приблизился к разгадке, но не мог перешагнуть порог человеческого сознания, и переосмыслить мироздание, взглянув на него отвлеченно, как на Систему. Невозможность найти ответ мучила его, не давала спать, отбивала желание есть, связывала по рукам и ногам. Мартин чувствовал, что не может ни вдохнуть, не выдохнуть, но как избавиться от напряжения, сжимавшего легкие, он не знал.

Отступник отслеживал жизнь Мартина, его память фиксировала каждую минуту, каждый жест, каждый шаг. Отступник ждал, когда настанет время покинуть остров и встретиться с этим человеком. С человеком, на плечи которого он взвалил груз, непосильный для большинства, с человеком, который должен сохранить Землю...

Момент, когда оператор MG76, в чьи функции входила фиксация и архивация файлов Системы, сохранил программу Спасителя в личную базу, был переходным. В этот момент, биоробот-оператор MG 76, еще не осознавая этого, стал Отступником. Изменив образ действий, приняв собственное осознанное решение, расходящееся с четкими и простыми инструкциями Системы, Оператор перестал быть шестеренкой в огромном налаженном механизме, он стал неисправной пружиной, которая должна была выстрелить внезапно, сведя с ума все настройки, нарушив размеренное движение поршней и рычагов.

Пружина выстрелила чуть позже. Когда в огромном, наполненном безжизненным белым светом зале, собрались главы всех секторов Станции Контроля. Главный Оператор GR01 набрал изящными пальцами сложную комбинацию знаков на пульте. И тут же пространство помещения заполнилось голографическими изображениями операторов всех секторов Станции Контроля. GR01 – биоробот, не подвергавшийся перезагрузке, хранящий в памяти историю развития и смерти множества цивилизаций. В отличие от подчиненных ему биороботов-операторов он облачен в черные одежды. Информация, заключенная в его сознании, огромна, ему доступны миллиарды операций. Но несмотря на то, сколько видели его глаза, сколько познал его совершенный разум, лицо его бесстрастно, не тронутое эмоциями, оно всегда неизменно, всегда идеально.

Окинув взглядом операторов, GR01 проговорил, как всегда четко и размеренно, без тени эмоции в голосе:

– Внимание всем секторам. Программа Z 575656 входит в заключительную фазу своего развития. Мы запускаем итоговый проект под кодовым названием «Последние Времена». Этот этап подразумевает наступление эпохи Князя Тьмы, которое продлится тысячу лет во временном измерении Системы.

Голос Главного Оператора разнесся по всем секторам, раздался в наушниках каждого из исполнителей, вошел в их сознание как приказ, как данность.

Главный Хранитель ZT03 согласно качнул головой. Он не похож на человека или робота, его огромная фигура задрапирована в складки плаща, а лицо скрыто за черной маской. Видны

разве что красные глаза, будто горящие угольки, светящиеся сквозь узкие вертикальные прорезы в личине. Голову в узкой продолговатой маске венчают острые собачьи уши, подвижные и сверхчувствительные к любым звукам. По образу Главного Хранителя модераторами сознания Системы был создан миф о боге Анубисе, покровителе некрополей и кладбищ, судие Царства Мертвых...

– Мы давно ожидали, что Создатели запустят программу «Последние Времена». Пятая цивилизация исчерпала свой внутренний энергетический ресурс, дальнейший сценарий программы предусматривает истребление большей части биоэлементов Системы. Через тысячу лет данная система должны быть полностью разрушена, и мы начнем осваивать программу новой шестой цивилизации, – Главный Хранитель говорит холодно, безразлично. Наблюдение за стихийными бедствиями, смертями и возрождениями бесчисленного количества людей давно не занимает его, он выполняет свои функции, как выполнял их всегда, бесстрастно и безошибочно.

Одна из голограмм с изображением оператора сектора конструирования засветилась ярче прочих.

– Мы даем вам голос, оператор JP77, – произнес Главный Хранитель, устало повернув голову к источнику беспокойства.

Оператор JP77 – единственный биоробот, сохранивший функцию, которая применялась в самом начале моделирования роботов, функцию внешнего старения. Его некогда идеальная маска испещрена морщинами, глаза смотрят из-под широких нависших бровей – это лицо старца. Да и интонации его более человечны, он прочищает горло и говорит медленно, будто обдумывая каждое слово:

– Этот процесс будет уже пятым крушением Системы. Значит ли это, что мы вновь отказываемся от программы «Золотой Век»?

– На всех стадиях развития данной цивилизации наши неоднократные попытки запуска программы «Золотой век» приводили к сбою. Данная программа изначально несовместима с программой пятой человеческой расы и соответственно будет демонтирована. Это решение Создателей, – Главный Оператор отвечает без промедления, тоном, не допускающим возражений.

– Но что тогда ожидает подготовленную нашим сектором программу Спасителя? – JP 77 сдвинул брови, как это сделал бы человек, решающий непростую задачу.

– Файлы с программой Спасителя будут отозваны и направлены в архив. Мы запустим ее лишь непосредственно перед крушением системы. Программа поэтапного крушения будет «Судным днем» для человечества. Центр принял решение, что такое завершение Системы наиболее органично встроится в жизнедеятельность Системы, как один из вариантов исполнения мифических пророчеств, необходимых человеческим элементам для объяснения себе сути мироздания, – на бесчувственном лице Главного Оператора мелькнуло нечто наподобие улыбки. – Программа Спасителя изымет лишь малую часть биоэлементов из системы. Часть избранных будет поднята на новые уровни развития, часть будет законсервирована в Хранилище. Оставшиеся в системе элементы не несут практической ценности для Центра, они будут разрушены. Именно таким образом мы и завершим общий сценарий пятой цивилизации, – продолжил Главный Оператор.

– Мы не можем знать конечный замысел Создателей. Однако программа разрушающего типа «Последние Времена» и демонтаж системы является необходимым этапом в развитии истории всех человеческих цивилизации, – добавил Главный Хранитель.

Голограмма сектора конструирования мигнула неоновым светом, и головы повернулись к новому оператору, изящному и тонкому оператору-конструктору PR97.

– Для продолжения работы, мне необходимо знать, каковы параметры очередного крушения?

– Так как крушение будет не частичным, а полным, то мы ожидаем поступление новой модернизированной программы шестой цивилизации, в которой будет задействована новая конструкция человеческой расы. Мы будем вести этот новый проект с самого начала, как прежде вели другие системы, – Главный Оператор сделал паузу и окинул взглядом голограммы, наполняющие зал. – Если вопросов больше не возникает, всем приступить к исполнению.

Каждый из слушавших принялся за свою работу, каждый со своей стороны запустил постепенный процесс уничтожения Земли. Пружина сжалась...

Оператор MG76, еще не осознавая себя Отступником, но лишь выполняя свои функции, вошел в сектор реструктуризации. В овальном помещении сектора работали шестеро Операторов, один из них, Оператор HD14 повернулся к вошедшему, отвернувшись от монитора.

– Тебе доступен код к сектору реструктуризации?

– Мой процессор просчитал десять миллионов вариантов за одну сотую долю мгновения, – в мимике MG76 не изменилось ничего, голос звучал спокойно и уверенно.

– И с такими данными ты продолжаешь работу в архиве? – биоробот смоделировал гримасу удивления, идеальные брови чуть приподнялись, лоб наморщился.

– В архиве много полезной информации, – спокойно парировал MG76.

– Разбирать старый хлам – не для меня, – биоробот HD14 уже снова повернулся к экрану.

Оператор MG76 спокойно смотрел на мониторы: все экраны были активны. Процесс разрушения Системы был запущен, и сектор реструктуризации вел наблюдение за уничтожением биоэлементов. Операторы с огромной скоростью запускали различные программы и отслеживая их завершение, архивировали данные.

MG76 переводил взгляд с одного монитора на другой, обрабатывая поступающие данные, как и остальные операторы.

На одном из мониторов горящее здание, из окон которого с криками падают люди. Они охвачены ужасом. Кто-то молится, кто-то плачет. Люди умирают, но их смерти регистрируются и заносятся в информационную базу. Ни одно действие не проходит бесследно. В одной из комнат, забившись под стол, плачет от страха маленькая девочка. Она с головой накрылась одеялом и зажмурилась, по щекам катятся слезы. Черный дым уже заполнил комнату, и она не может не кашлять, заходясь все сильнее, она хватая воздух, широко раскрывая рот, но вдыхает только дым, и наконец падает без сознания.

Оператор MG76 мгновенно успевает отслеживать терабайты информации. Тысячи столкновений в секунду – горящие машины, мятые двери, кровь, крики людей, окружающих место происшествия. Одну из аварий Оператор фиксирует отдельно от всех: водитель грузовика внезапно заснул за рулем и машину вынесло на встречную полосу. Тяжелый грузовик врежется лоб в лоб с легковой машиной. Грузовик разворачивает и выносит в кювет. Легковая машина совершенно уничтожена. Невозможно предположить, что кто-то из пассажиров остался в живых.

Взгляд Оператора MG76 останавливается на подростке, неподвижно застывшем на заднем сидении, он мертв. Теперь все внимание оператора MG76 сосредоточилось на следующем мониторе, где юноша с заспанным лицом и взлохмаченными волосами не успевает донести ложку с утренними хлопьями до рта, его отвлекает стук в дверь.

– Кто еще в такую рань? – он спешит к двери, на ходу стараясь попасть ногой в слетевший тапок. Он открывает и не успевает даже удивиться. Человек в черном направляет ему в лицо пистолет с глушителем.

– Джон, что там такое? – девушка выходит из душа, обернув полотенце вокруг головы. – Кто-то пришел?

Она не сразу понимает, что произошло, когда видит Джона на полу. У него во лбу небольшая аккуратная дырочка. Крови совсем немного – работа профессионала. Девушка кричит и сползает по стене на пол...

Механический голос одного из операторов комментирует для отчета:

– Майкл Джереми, биоэлемент с заложенной программой «Воин Света» разрушен. Линда Кроули, биоэлемент с заложенной программой «Воин Света» – разрушен. Джон Смит, биоэлемент с заложенной программой «Воин Света» – разрушен.

В сознании MG76 процесс архивации данных не прекращается ни на мгновение: он улавливает краем сознания: «598 биоэлементов уничтожены в секторе C558789. 4 биоэлемента разрушены... 67 биоэлементов разрушены... 1007 биоэлементов... 117...»

Болезни, не знающие противостояния медицины, захватывали районы, выкашивая людей целыми семьями. Уровень преступности вырос, как никогда, люди ожесточились, убивая других, желая выжить сами. Демонстрации и митинги заполнили площади крупнейших городов. Люди не могли спокойно говорить друг с другом, а значит, не могли договариваться. Кулаки, ножи, куски арматуры, бутылки с воспламеняющейся жидкостью мелькали в толпе – люди не хотели коммуникации, они жаждали выплеснуть сжигающую их злобу. «Убить. Убить. Убить. Убить всех тех, кто мешает!» – стучал в висках призыв, внушенный с помощью тонкого фиолетового луча – индивидуальной кодированной программы, пронзающей голову очередного человека. И новые взрывы в людных местах уносили тысячи жизней. Ураганы сметали с лица земли постройки, земля трескалась и уходила из-под ног, землетрясения уничтожали целые города, погребая под обломками живых и мертвых. Разбивались самолеты. Самоубийцы шагали с крыш, всыпали в горло горсти снотворного, опускали руки со вскрытыми венами в теплую воду. Смерть звала. Смерть была запрограммирована Центром. Разрушение Системы набирало силу...

– Я закончил архивацию 178 907 665 файлов четвертой цивилизации Системы, – проговорил, отвернувшись от мониторов, MG76.

– Это огромный массив, у твоего процессора мощный ресурс, – Оператор на секунду замолчал, сверяясь с данными по MG76. – А сейчас тебе предстоит обработать программу нового крушения Системы.

– Мне это известно, – MG76 внимательно взглянул на собеседника. – Ты уже запустил программу Князя Тьмы?

– Еще нет, модуль Князя проходит диагностику, он получает необходимые коды, которые будут включаться по мере его восхождения в Системе в соответствии с программой «Последние Времена».

– Он будет сильнее своих предшественников? – MG76 не отрывал взгляда от оператора, в чьем голосе зазвучало подобие восхищения.

– Намного. Кроме уникальной по своим характеристикам физической силы, его мозг будет функционировать, задействовав все сто процентов его возможностей, в отличие от мышления обычных биоэлементов системы. Он сможет мгновенно вникать во все предметы научных дисциплин, к тому же он получит код владения телепатией и код ясновидения. В возрасте тридцати лет он станет обладателем кода власти, его мысленные приказы будут проникать в подсознание миллионов и миллионов биологических элементов. Код магии позволит ему свободно телепортировать себя в любую точку мира, и конечно, творить демонстративные чудеса, которые смогут привлечь к нему внимание массы людей, максимально взять в свои руки контроль над их умами. Но самый могущественный код из тех, что будут предоставлены в его распоряжение, – это код разрушения материи, позволяющий уничтожать противников на расстоянии. Он сможет прервать миллионы жизней без малейшего физического напряжения. В понимании элементов Системы, он должен стать новым мессией. На данный момент отобрано шесть претендентов, но имя того, кто из них станет воплощением программы разрушающего типа «Князь Тьмы», Доминирующий сценарий выдаст только в последний момент.

Оператор набрал несколько комбинаций на клавиатуре и MG76 увидел голографическое изображение фигуры Князя Тьмы. Широкие плечи и грудная клетка, сильные руки со вздув-

шимися мышцами, уверенная поза и полное отсутствие каких-либо черт лица. Гладкая поверхность, будто перед MG76 поворачивалась вокруг своей оси страшная безликая кукла в человеческий рост.

«Конечно, лицо будет определено, когда определится идеальный кандидат», – мелькнуло в мыслях MG 76.

– Сейчас идет загрузка программы кода разрушения. Код подлежит активации при достижении элементом возраста тридцати лет по исчислению Системы, – добавил оператор HD14. – В тридцать три года во временном измерении системы он получит код бессмертия, что позволит ему править миром почти тысячу лет, – продолжал он.

– Обладая такими кодами, он действительно станет могущественнее всех в Системе, – склонил голову MG76. – А будут ли включены программы защиты Системы?

Оператор отрицательно покачал головой.

– Мы перекрыли доступ в Систему элементам, которые могли бы противостоять Князю Тьмы. Те элементы, которые вошли в систему до активации программы «Последние Времена» отслеживаются и уничтожаются охотниками на ранней стадии.

MG76 слушал слова оператора, а сам смотрел, как на мониторах, заполняющих стены, мелькали изображения разрушающихся зданий, массовых драк, природных катаклизмов. Он смотрел на крупные планы мертвых людей, лежащих в крови, людей стреляющих, падающих, истекающих кровью, кричащих. Он спокойно смотрел, как агонизирует человечество, потерявшее шанс на спасение.

– Жаль, что крушение Системы растянуто во времени, – донеслись до MG76 слова оператора HD14.

– Тебе бы хотелось, чтобы крушение произошло быстро? – ответил он, не сводя взгляда с экранов.

– Мгновенное крушение – это величественное зрелище! Это невозможно забыть, однажды увидев. Когда мы обрушили четвертую цивилизацию, я видел мощь и величие Создателей. Это вселенское событие. Мощнейший выплеск мега энергии!

– Я просмотрел в архиве несколько файлов гибели четвертой цивилизации, – медленно проговорил MG76. – Энергия страданий разрушенных элементов в тот раз уничтожила большую часть энерго-информационных полей Системы.

– Да, это был просчет, – кивнул головой Оператор. – но теперь, лишившись зрелищности, мы получим постепенный прирост энергии и сможем его контролировать. Новая программа предусматривает тысячелетнее правление элемента под шифром Князь Тьмы и только потом всеобщее крушение – победно добавил он.

– Создатели опять запустят программу всемирного потопа? – уточнил MG76.

– На этот раз планируется задействовать программы экологических катастроф, массовых эпидемий, экономических кризисов, мировой войны. Конечно же в ход пойдут психологическая и физическая деградация элементов. После этого последуют два века предсмертной агонии и последующее затухание Системы.

– Интересный сценарий, – MG76 снова посмотрел на мониторы.

– Логичный финал: болезни и войны. Элементы Системы примут все события как наказание за свои грехи. Конец Света станет для них долгожданным окончанием мучений, очищением и началом новой жизни.

– Создатели любят эффектные ходы, – сухо проговорил MG76.

– Я все же предпочитаю быстрое разрушение, чем эти программы медленной деградации Системы. Они малоэффективны. Затрачивание огромного количества ресурсов, которые можно было бы потратить на возведение новой Системы, на новые опыты, новые достижения, – не замечая, что MG76 становится все менее разговорчивым, Оператор делился своим мнением.

Но MG76 уже не слушал. В его сознании проносились ярчайшие из сохранных памятью моменты становления четвертой цивилизации. Он будто бы вновь видел спины динозавров, заснеженные просторы и льды, сливающиеся с горизонтом, первый рисунок на закопченной стене в пещере, рост первых зданий... И множество человеческих лиц, сменяющие друг друга. Он видел слезы, страдания, счастье, удивление, восторг, уныние. Он видел отчаянные прыжки в неизвестность и последние рывки к кажущейся победе. Он видел отчаянную слабость этой цивилизации, и это не давало ему покоя. Лица мелькали, сливаясь в одно. Последние данные он позволил себе рассмотреть более тщательно. Смеющееся лицо подростка, и оно же бледное, залитое кровью. Это Майкл Джереми, погибший в автокатастрофе. Девчонка что-то доказывает родителям, веснушчатый лоб нахмурен, глаза блестят. Затем она же задыхается от кашля, пытаясь скрыться от пожара под одеялом, будто это ночной кошмар. Это Линда Кроули, она тоже не успела повзрослеть. Тонкое задумчивое лицо юноши, желтый свет лампы освещает страницы книги, от которой он не может оторваться, несмотря на поздний час. Это же тонкое лицо, запрокинутое, бледное, с пустыми глазами и дырой во лбу. Джон Смит, еще один Воин Света, не успевший дожить до своей миссии...

Пружина, сжавшаяся до предела, распрямилась. Оператор MG76 не изменил голоса, его маска не проявила никаких эмоций, его взгляд остановился на одном из мониторов. Он видел лицо довольного малыша. Мальчик с улыбкой смотрел в окно вагона, на уплывающий перрон, затем повернулся и сказал что-то женщине, сидящей рядом. На экране быстро появлялись символы: множество знаков и цифр, сменяющих друг друга: «Элемент-756353 – Мартин Хьюз. Программа элемента соответствует программе “Воин Света”. Назначить разрушение». MG76 считывал информацию и уже знал, что должен делать.

«Время разрушения назначено. Время разрушения 12.37 в соответствии с часовым поясом сектора С93848574. Разрушение 187 элементов», – MG76 перевел взгляд на таймер под монитором. Временные значения в секторе С9384574 соответствовали 12.36.

Лицо ребенка на экране сменилось изображением грузовика, на скорости вылетевшего на переезд. Тонкий фиолетовый луч индивидуального программного кода вошел в голову водителя, парализуя его волю. Его глаза остекленели, он с неестественным остервенением вжимал в пол педаль газа, а машина буксовала, провалившись передними колесами в разрушенное перекрытие.

– Потрясает, что Создатель предусмотрел и дополнительный вариант программы: быстрое крушение Системы. Внешняя атака на планету. Крупный метеорит, в который преобразовалась разрушенная Система под кодом Z574 638, должен столкнуться с поверхностью Земли. Такое развитие событий гарантирует гибель мира всего за 6 человеческих дней... – продолжал оператор.

MG76 повернулся и быстро вышел из помещения. За его спиной цифры таймера показывали 12.37.

Он шел по прозрачному коридору: мелькали секции, биороботы в белых одеждах удивленно поднимали глаза от мониторов, кого-то он сильно толкнул плечом и, не обернувшись, ускорил шаг. В его сознании шел подбор комбинаций. Ему необходимо оказаться совершенно в другом месте. Прямо сейчас. Прозрачные двери разъехались, впуская оператора, MG76 шагнул в тесную кабинку лифта и провел пальцем по сенсорному экрану управления. Лифт бросило вниз, MG76 летел в прозрачной кабине, видя тысячи и тысячи биороботов, продолжающих работу. Уровни этажей замелькали быстрее, а затем и вовсе слились в единую линию. MG76 оказался на первом уровне Станции Контроля. В глазу с бешеной скоростью цифры и символы сменяли друг друга. Быстрее. Быстрее. Нельзя не успеть. Шаг уже сделан, теперь нужно спешить. Он шагнул к дверям шлюза телепортации. Последняя цифра высветилась в зрачке, и в сознании MG76 возник сложный код. Сенсор пульта управления телепортом считал информацию, двери раскрылись, а перед MG76 засветилась голограмма Земли, масштаб стре-

нительно менялся, приблизился отдельный участок суши, забрезжила зелень, черные точки – люди. Через мгновение MG76 видел голограмму скоростного поезда.

«Успеть!» – пронеслось в сознании, и помещение шлюза исчезло. Мир распался на мельчайшие частицы и возродился уже совсем иным – это был человеческий мир, солнце заливало пол вагона, за окном мелькали кроны деревьев. Телепортация прошла успешно.

Следующее, что произошло – удар. Он снова переместился в пространстве, возобновив код телепортации. Теперь он видел искореженный вагон, людей, лежащих без движений, дым, заполняющий пространство. Зрение биоробота зафиксировало движение. Он сфокусировал взгляд, и увидел, что это тот самый ребенок, информация о котором тут же была найдена в архиве: Мартин Хьюз, три года девять месяцев, биоэлемент программы «Воин Света». MG76 осторожно поднял легонькое тело. Мальчик зашевелился у него на руках, посмотрел прямо в лицо.

– Как красиво... – еле выдохнул малыш, и снова отключился.

MG76 переместился вместе со своей ношей прочь от едкого дыма, покривившихся стен, выбитых окон, смерти. Недалеко от перевернувшихся вагонов на траве сидела старушка. Она заламывала руки, совершенно не замечая, как по ее щекам катятся слезы.

– Позаботьтесь о ребенке, – проговорил MG76. Он осторожно положил Мартина на траву рядом с ней.

– О боже! Как вам удалось спастись из этого пекла? – женщина смотрела на незнакомца, который только что на ее глазах появился из пламени и клубов черного дыма. Почему на его идеальном лице нет и царапины?

– Позаботьтесь, – он повторил это еще раз, пристально глядя ей в глаза. И ее слезы высохли, она прижала к груди мальчика, захлопотала, пытаясь найти пульс, испуганно вскинула глаза на незнакомца.

– Он мертв?

MG76 достал из нагрудного кармана небольшую белую капсулу и осторожно вложил ее мальчику в приоткрытый рот.

– Это поможет.

Женщина смотрела не отрываясь, как странный мужчина встал и пошел прочь. Через пару мгновений он растворился в воздухе.

– О Боже. Сошла с ума... – зашептала старушка и начала тереть лицо руками. – Что же это?

Она вскрикнула, когда перевела взгляд на мальчика: раны и ссадины затягивались прямо на глазах, мертвенная бледность сошла с губ, грудь мальчика снова мерно поднималась и опускалась.

– Живой! Живой, мой милый... Сейчас! «Скорую», скорее... – она засуетилась. – Ангел. Ангел тебя спас, мой мальчик! Прекрасный ангел...

* * *

Мартин открыл входную дверь, но Аделина удержала его. Она смотрела жалобно снизу вверх.

– Марти... А, может быть, тебе не стоит ехать на презентацию? Прости, Марти, но ты мог бы остаться сегодня здесь со мной. Не в шутку, а по-настоящему остаться здесь?

– Что? – Мартин удивленно улыбнулся и всмотрелся в голубые глаза любимой.

– Я знаю, ты считаешь, что это глупо, но у меня есть предчувствие... Я знаю, что если ты уйдешь, случится что-то ужасное, – ее голос начинал подрагивать, а глаза заблестели от набежавших слез.

– Подожди, подожди, милая... Подумай сама, у нас все хорошо. Что может случиться? – он рассмеялся и прижал Аделину к себе.

– Нет, ты не понимаешь. Я почувствовала это утром, но отогнала от себя плохие мысли. Но посмотри, в гороскопе написано: «Сегодня вам предстоит расстаться с вашим возлюбленным...»

Мартин пару секунд продолжал смотреть на Аделину с серьезным видом, придумывая, как ее успокоить, но не выдержал и рассмеялся снова.

– Гороскоп? Ты серьезно? Это же просто смешно, в прямом смысле, я не могу сдерживать смеха.

– Это очень серьезно, Мартин. Это не просто совпадение, это кто-то свыше делает мне знаки, а я распознаю их как умею. Я умею чувствовать, и то, что я почувствовала – страшно.

– Крошка, эти гороскопы составляет тот же человек, что пишет полезные советы для домохозяек и отвечает на взволнованные письма школьниц в редакцию. В них нет ни слова правды.

– Это неважно, Мартин... Неужели ты не понимаешь, что Бог управляет всеми нами, что этот старый лысый составитель гороскопов может, сам того не зная, вложить предостережение для меня в этот короткий текст, – она умоляюще сложила руки. – Я очень прошу тебя, я просто умоляю. Не уезжай хотя бы потому, что мне страшно. Потому что ты любишь меня, а не потому что тебя убедили мои глупые доводы, – Аделина вот-вот готова была расплакаться.

– Крошка, ты просто устала. Ты ведь сама говорила, что я не должен опаздывать. Посмотри на часы, такси наверное давно ждет, – он осторожно отстранился.

– Мартин, нет! Мартин, я чувствовала то же самое в тот раз! Я должна была уехать к родителям в тот раз, но я вышла из вагона поезда, поймала машину и приехала сюда. И я не знаю, что бы произошло, если бы в тот раз я не прислушалась к своей интуиции. Мартин, я не переживу, если с тобой снова что-то случится! – она почти кричала, а по щекам ее текли слезы.

– Тише. Тебе нужно выпить воды. Сядь сюда, – он подтолкнул ее к креслу. – Я сейчас.

Он быстро вошел на кухню и открыл воду. Струя наполнила стакан и выплеснулась через край. Он знал, о чем говорила Аделина. Тот случай произошел недавно, но ему казалось, что это было в другой жизни, с другим человеком.

Хотелось крикнуть, чтобы избавиться от неприятного комка, который появился в горле, как только он вспомнил тот день. Тогда он уже дописал свою книгу и рассылал отелльные главы по издательствам. Ответы пока были неутешительными: кому-то казалось, что его произведение не подходит на жанровом уровне, кто-то рассыпался в комплиментах, но уверял, что финансовая ситуация в настоящее время не позволяет печатать никому не известных авторов, кто-то писал о неактуальности религиозной тематики, что скорее рассмешило, чем расстроило Мартина.

– Бог сейчас не актуален, дорогая. Стоило написать книгу о газировке в стильной банке, такая тема не осталась бы не востребованной! – они с Аделиной хохотали, и Мартин не думал отчаиваться.

Он любил свою книгу и был полностью захвачен ею. Ее героев он знал, как своих знакомых, иногда, как самого себя, а иногда гораздо лучше, чем себя. Он мог рассказать детали биографии каждого из них, понимал, что они должны чувствовать в ситуации, которую он создавал в своем воображении. Иногда ему казалось, что эти люди поселились в его голове, и живут совершенно обособленной, собственной жизнью. А он – просто сосед за тонкой стеной, который слышит их шаги, разговоры, участвует в их жизни, никак на нее не влияя, не показывая своего лица.

Иногда книга мучила его – когда ясность уходила, и Мартин будто бы переставал слышать своих героев. Тогда он часами просиживал перед белым экраном ноутбука, тихо ненавидя мерно мигающий курсор. Он доходил до отчаяния, расхаживал по комнате, не выдержав, срывал с крючка куртку и выходил на улицу. Прогулки помогали: он мерил шагами целые кварталы, и ходьба, как какой-то вид медитации, помогала успокоиться. Злость оставляла его, и

Мартин переставал с усилием думать о книге. Именно в такие минуты спокойствия и расслабленности его вдруг осеняло: он видел свой текст в новом ракурсе, открывал для себя новые идеи, которые должны быть вложены в произведение. В такие моменты он чувствовал острую потребность как можно скорее начать писать. Несколько раз он оставался в ближайшем кафе, исписывая пачку бумаги, любезно принесенную официанткой. Или заполнял мелким почерком страницы своего карманного блокнота, примостившись на скамейке в парке. Дома, забивая текст в компьютер, он знакомился с ним заново. Будто бы он был написан другим человеком...

В тот раз, о котором с испугом вспоминала Аделина, он снова испытывал тот кризис, за которым обычно следовало озарение. Слова не складывались в предложения, все написанное, казалось, стыдно перечитывать, голова гудела, полная идей и мыслей, которые не могли быть сформулированы, не могли превратиться в текст. Мартин откинулся на спинку стула и посмотрел на картину, висящую над столом. Эта картина была в его семье всегда, сколько он себя помнил. Когда семьи не стало, он один рассматривал ее, вспоминая семейные вечера с отцом. Синие и зеленые тона успокаивали, притягивали взгляд и завораживали: большое озеро, за которым возвышаются горы, покрытые густым лесом. Темная фигура – человек в черном костюме, одиноко стоит на берегу, он смотрит на светящуюся пирамиду, нависшую над озером. Сияние, исходящее от нее, пускает блики по водной глади, бросает отблеск на горы, и даже небо над пирамидой кажется ярче и светлее. В детстве он часто думал: кто этот человек в черном, что означает эта пирамида? Он думал о волшебстве, инопланетном вмешательстве, представлял, что это глаз могущественного волшебника или древнего бога. Когда Мартин вырос, детские теории забылись, он уже больше не воспринимал картину как загадку, он видел в ней абстракцию с множеством смыслов, которые даже не пытался выудить из сознания...

Он потянулся за очередной банкой пива. Мартин чувствовал, что когда он затуманивает рассудок алкоголем, навязчивая потребность написать, наконец, то, что живет собственной жизнью в его голове, становится не такой острой. Он смял опустевшую банку в кулаке и запустил ею в мусорное ведро. Банка ударилась в стену и задребезжала по паркету.

– Черт!.. Ну и черт с тобой! – Мартин зло ругнулся и рывком поднялся со стула. Он прошелся по комнате, ведя пальцем по стене, и остановился у зеркала. Ему на секунду показалось, что вместо его отражения там мелькнули двое существ в белых одеждах, в гладких матовых масках без прорезей вместо лиц. Он вздрогнул и отшатнулся от зеркала, но существа уже исчезли. Мартин с сомнением взгляделся в свое отражение: спутанные волосы, синяки под глазами, щетина, покрывающая щеки и подбородок. Он уже давно не выходил из квартиры. Аделина навещала больную подругу, а теперь собиралась в родной город к родителям, поэтому они уже несколько дней не виделись.

– Да. Если бы ты видела меня и нашу квартиру, дорогая... – проговорил вполголоса Мартин и бросил взгляд на стол, заваленный скомканными листами, на мусорное ведро, заполненное пустыми банками из-под пива.

Он снова сел за стол и положил руки на свеженапечатанный текст. Белая плотная стопка среди смятых исписанных листов.

«Вот так и рождается истина, – думал Мартин, – из смятых, вымученных слов, вырастает, наконец, нечто оформленное, белоснежное, неприкосновенное...»

Внезапно, он ощутил острую боль. Будто бы кто-то вонзил ему в затылок железную спицу и медленно поворачивал ее, наслаждаясь страданиями Мартина. Он ничего не видел и не понимал, а просто сидел за столом, обхватив голову руками. Боль исчезла, так же внезапно, как появилась, но теперь Мартин чувствовал, что мысли носятся в голове, как бешеные. Его бросило в жар, и он попытался открывать окно, в страхе задохнуться. Ручка долго не поддавалась, но наконец окно распахнулось, ему в лицо дохнул ветер, до ушей долетели крики детей, звуки проезжающих вдалеке машин.

«Ничтожество. Все твои идеи – бессмысленная трата бумаги. Ты не можешь подчинить себе реальность. Смысла нет. Мир лишь бессердечная иллюзия Бога. Он полон боли, страдания, потерь. Мы не властны над своей судьбой. Мы – ничто», – голос звучал в голове Мартина. Он был так убедителен, так ужасающе правдив.

– Мы не властны над своей судьбой. Мы – ничто, – повторил он одними губами, и взглянул вниз, на улицу. Земля вдруг качнулась к нему, ему захотелось отпустить руки и броситься вниз. Оборвать жизнь, а вместе с ней и страдания. Он в ужасе отшатнулся от подоконника и захлопнул ставни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.